13.12.2001 *[illegible]*

# 1973 год.

# 1973 год.

6 января 73 г.

Сегодня, хотя и суббота, весь день на работе. Очередной доклад для Пономарева – об МКД. Удовлетворение только от одного – насколько я ловчее сумею это сделать по сравнению с «ребятами» (консультантами) и они добровольно, естественно, подчиняются моему умению. Но, когда кто за 10 лет службы ничему не научиться, это вызывает презрение у всех.

Цирк парного руководства отделом Кусковым м Загладиным. Доходящее до бессмысленности косноязычие Кускова, видимо, отражает притупление интеллекта, усталость в свое время пропитого мозга, который, впрочем, не получил надлежащей тренировки и «культуры» работы в юности. Загладин не то, чтобы пользовался этим. Скорее ему просто претит беспомощность, которая означает кражу времени у подчиненных, не говоря уже о неясности заданий, которые они получают.

Читаю Быковского.

8 января 73 г.

В Москве эпидемия гриппа, говорят (ссылаясь на статистику горкома), что в день в городе заболевает 70 000 человек. Наверное, врут. Хотя больных вокруг много.

Третьего дня встречался с делегацией Австрийской КП. Мури (председатель) и Шарф (бывший социал-демократ, участник Сопротивления). Большая дискуссия об социал-демократах. В их подтексте: вы, мол, делаете свой бизнес с ними, как с государственными деятелями. А мы от этого несем прямой ущерб, ибо они не только интегрированная часть государственно монополистического капитала, но и наиболее умная ее часть, способная им управлять и его направлять лучше, чем современные буржуазные партии.

Прием Клэнси (из новой просоветской КП Австралии) у Б.Н. на той неделе. Дохлое их предприятие.

Обобщали (по поручению ЦК) просьбы братских партий, высказанные во время празднования 50-летия СССР. В основном, это – деньги и деньги: на издание газет, устройство мелких фирм, пенсии ветеранам, но также и, например, определить племянницу в Московскую консерваторию, содержать сына со стипендией в Киевском университете, «помочь» написать книгу (т.е. написать за лидера партии, а он подпишет) и т.п. Словом, удручающая картина.

У Капитонова собраны зав. отделами ЦК. Обсуждение плана Секретариата на первое полугодие. Присутствующие боссы, хозяева, так и ведут себя. Новый секретарь Долгих, видно, уже вошел в роль. Явно умнее Капитонова, что, впрочем, не очень трудно.

Потом Шауро затащил к себе. Часа два беседовали. У него, видно, комплекс «непонимания и пренебрежения со всех сторон». В «международниках», как и многие другие, он видит скрытую, загадочную силу, так как они интимно общаются с самым верхом. Этим и объясняется его оправдательный тон, в частности, в отношении меня. Много рассказывал, главным образом, об изменении «атмосферы» в среде деятелей культуры, писателей, и об отношении к нему, равно как и к ЦК. Однако – ни мысли, ни собственного убеждения, ни тем более политики ни на грош.

Хотя положение, видимо, понимает. А учитывает его, главным образом, в смысле – «чтоб не подставиться».

Поразительная ситуация. Брежнев в Белоруссии ласкает Помпиду, который накануне в Париже на пресс-конференции говорил о нас и обо всем «нашем деле» следующее:

Вопрос (Пьер Шарли, «Франс-суар»): «Не переоценивая совместную программу (социалистов и коммунистов), нужно сказать, что в ней, помимо основных направлений политического курса, содержится также определенный проект общества. Основные линии политики, которую намерено отстаивать нынешнее большинство, премьер-министр изложил. Не можете ли вы сказать нам, каков ваш проект общества?»

Ответ Помпиду: «Каков мой проект общества? В самом деле, в совместной программе, по крайней мере в общих чертах, обрисован облик, так называемого, «социалистического» общества, т.е. коммунистического, т.е., с моей точки зрения, тоталитарного общества в полном смысле этого слова. Я хочу этим сказать, что все находится в руках государства, что все зависит от государства и что само государство находится в руках партии и эта партия командует жизнью людей во всех аспектах.

С другой стороны, есть – это верно – классическое капиталистическое общество, которого в полном смысле уже нет нигде, но которое все-таки в большой мере сохранилось в Соединенных Штатах или в Японии (хотя и это еще требует доказательств). Но во Франции в настоящее время оно уже во многом ушло в прошлое, учитывая целый ряд реформ, мер, принятых прошлыми правительствами, - и в 1936 году, и в период Освобождения, и после 1958 года.»

3 февраля 73 г.

История с Ульяновским (один из замов Б.Н. по Востоку). Гафуров (академик, директор Института востоковедения) написал на него Брежневу письмо – об использовании материалов, присылаемых по заданию Международного отдела, в статьях и брошюрах Ульяновского; о монополизации редактирования всяких сборников и книг по международному освободительному движению; о каше во взглядах, когда в статьях Ульяновского, выходящих в разных местах почти одновременно, директивно отстаиваются противоположные взгляды; о перепечатке одних и тех же статей в разных изданиях; о несметных гонорарах.

Б.Н. был очень огорчен. Долго ходил по кабинету. После пьянки, организованной замами накануне 7 ноября в кабинете Загладина, чем занимался сам Пельше, теперь вот новое напоминание, - что замы у него «того»!

Столкновение с Б.Н. в связи с докладом об МКД, который мы ему подготовили (для «сборов» идеологических секретарей республик). Обвинил меня в пацифизме, в том, что за «успехами Программы мира» мы не видим, что гонка вооружений продолжается, военные бюджеты растут (США – 83 млрд.), НАТО продолжает маневры, совершенствует военную машину, а Помпиду нам улыбается, интригует с американцами и поощряет антикоммунизм.

Я ему ответил: но как же вы будете выглядеть? На закрытом сборе, перед элитой руководящих кадров, вы, по существу, хотите представить дело так, что толку от Программы мира нет, что наше «мирное наступление» – это топтание на месте, что ничего в мире не изменилось и что 90% времени, которые Брежнев и другие отдают внешней политике (и только 10% - хозяйству) – это понапрасну затраченные силы.

И потом: о Помпиду наши слушатели судят по телепередачам, в которых они видят «объятия», улыбки, взаимные подарки и прочие, на самом высшем уровне. А вы в этот самый момент идеологам скажете, что все это – чистый фасад, а на самом деле – Помпиду наш ярый враг и т. п.?

Он несколько сник... Естественно, в докладе осталось все как было, лишь с небольшим добавлением об американском военном бюджете.

Впрочем, в тактическом плане Б.Н., возможно, прав. Особенно, когда произнес передо мной речь о «европейской безопасности». «Вот, - говорит, - шум и в печати у нас и вы тоже, в докладе для меня: европейская безопасность, новая система отношений, сотрудничество, взаимная выгода, обмен людьми и идеями, добрососедство… Ни хера, Анатолий Сергеевич, этого не будет! Уверяю вас. Дай Бог нам добиться приличного совместного документа, чтоб пропаганда не смогла его использовать потом против нас. А так – все останется по-старому. Ведь то, что мы хотели от Хельсинки, мы уже получили (границы и признание ГДР), а теперь оно оборачивается против нас, и нам бы лишь прилично выпутаться из этой нашей же затеи.»

Тут он, конечно, прав. Он и знает, и отражает mentalite всего нашего руководства (впрочем, за вычетом, пожалуй, самого Брежнева).

В то же время, в этой его откровенности – признание того, чего мы не хотим признать: мировое развитие – «революционный процесс» уже пошло иначе, чем это предполагалось на протяжении 50 лет; победила наша «реальполитик», основанная на силе и запугивании, но не наша идеология, и чем больше успехов в нашей политике, тем больше ущерба нашей идеологии (классически представляемой, а теперь можно уверенно сказать – не случайно представляемой, Демичевым и Трапезниковым).

Так что в глобально-стратегическом плане Б.Н. уже архаичен. И он даже не в состоянии заметить глубокого противоречия в самой собственной деятельности. Он отмахивается от проблемы, чтобы свести концы с концами.

Есть у нас в Отделе Борис Ильичев, заведующий сектором Юго-Восточной Азии. Умный, образованный, острый, насмешливый, циник и анекдотчик. Объездил весь свой район, работал много лет в Индонезии. У нас с ним давно взаимные токи, в частности, обмениваемся «марксистско-ленинской» литературой по сексуальным вопросам. Он большой знаток в этом деле. Недавно явился он ко мне, сел в кресло и быстро, в своем полухулиганском стиле стал излагать свою концепцию.

4 февраля 73 г.

Так вот - Б. Ильичев. Мне, говорит, надоели эти бесконечные постановления о «противодействии», об «отпоре» китайцам. Рука устала расписываться. У наших лидеров какое-то самоочарование: они полагают, что раз они приняли постановление, то все само и делается именно таким образом. Да, если бы и делалось – все это не то… Посмотри: посадили группу специалистов «при Секретариате ЦК». Три месяца они сочиняли стратегическую разработку, «что делать с китайцами». И гора родила мышь, ныне утвержденную на Политбюро. Анализ их во многом правилен, анализ убеждает, что перемен к лучшему не будет, их нельзя ждать, даже если умрет Мао или Чжоу, или оба вместе. Китаю не нужна и не выгодна объективно дружба с нами.

А какой же вывод сделали эксперты: «политика XXIY съезда в отношении КНР правильна». Да, она правильна для провозглашения на весь мир. Но должна быть еще реальная собственно политика, которая будет исходить из того, что война

неумолимо идет к нам со стороны Китая, не через 5, так через 10 лет, не через 10, так через 15 лет.

Я всегда считал, что после 1945 года войны в Европе не будет никогда. Я был уверен в этом, несмотря на всякие кризисы, Западный Берлин и прочие. Теперь уже всем ясно, что ее не будет никогда.

Я понимаю, конечно: «20 млн. убитых» ... психологически это была проблема, от которой нельзя было просто отмахнуться. Но теперь и психологический перелом произошел. И тем не менее, мы все главные силы тратили на Помпиду, Брандта и т.д.

Между тем, ось мировой политики уже давно переместилась в Юго-Восточную Азию. Нам сейчас, после окончания войны во Вьетнаме, надо создавать «Великий Вьетнам», все эти Лаосы и Камбоджи и прочие Филлиппины объединять – «Великий Вьетнам» со 100 млн. населением плюс Индонезия со 125 миллионами. Сухарто – подонок и враг, но и его надо быстрее заполаскивать на свою сторону. Надо создавать Китаю серьезный враждебный тыл. Если мы опоздаем с этим и Китай сам оседлает с помощью японцев Юго-Восточную Азию, песенка наша спета. Миллиард китайцев! Никакая наша ядерная мощь не остановит эту силу.

По ходу я подбрасывал ему разные вопросики, пытался издеваться над его экстремизмом, хохотал над его заборной экспрессией. Но где-то в основе он прав: мы очень неманевренны в своей политике, очень архаичны в методах ее проведения... Хотя Борька и утрирует, закрывая совсем глаза на «требования историзма» – «всему свое время».

За эти две недели дважды был на ПБ и один раз на Секретариате ЦК. Первый раз вел Суслов. Среди прочего интересно было отметить случайность во взглядах на тот или иной вопрос и боязнь у большинства (кроме основных членов ПБ) отстаивать свои позиции или предложения.

6 февраля 73 г.

На Политбюро обсуждалась записка Кириленко «об упорядочении» внешнеэкономических связей министерств и ведомств. Смысл был в том, что министры и их замы с большим удовольствием и страстью занимаются загранпоездками, чем своим делом.

Выступил Демичев: надо здесь действительно порядок навести. Дело дошло до того, что ведомства с ведомством общаются через границу, а мы и не знаем, что министерства там и прочие... и даже заводы и институты...ездят по заграницам, устраивая собственные связи. Надо этому положить конец, поставить под контроль центра и т.д.

Андропов: нарушается порядок представления отчетов о беседах во время загранпоездок.

Косыгин, который, видно, невнимательно слушал, кто что говорил, обрушился на Андропова, имея в виду высказывания Демичева (мол, у нас дело идет к интеграции и нормально, что заводы, институты и прочие общаются с нашего разрешения, но непосредственно, а все заузить на центр – это мы потонем, да и вообще – это абсурд).

Андропов слушал, слушал, встал и своим комсомольским голоском заявил, что ничего этого он не предлагал, это предлагал «вот он», и показал пальцем на Демичева. Тот вскочил и стал путано доказывать, что он не то имел ввиду.

На Секретариате ЦК обсуждался вопрос «о толкачах», командировочных от предприятий и ведомств по выколачиванию необходимых материалов. Записка

Кириленко. Докладчики от комиссии приводили всякие смешные и «вопиющие» факты о том, как командировки используются для празднования юбилеев начальства в Москве, для махинаций, туристических целей и т.п.

Но выступил заместитель председателя Госснаба и тоже на фактах показал: да, злоупотребления имеют место, но не - причина толмачевства. Причина в другом. Если, скажем, директор металлургического завода отвечает на мольбы тех, кому он поставляет трубы, что за I квартал он, может быть, и выполнит план поставок, но в январе он даст только 13% заказа, в феврале – 27%, а в марте – остальное. Что прикажете делать? Как должен работать завод, который имеет такого поставщика? Чем он будет платить рабочим? Как выполнять свой план?

Или: стройке нужен металл такого-то сорта, ему присылают совсем не то, и это «не то» валяется и пропадает, потому что из него строить данный объект нельзя. А по тоннажу поставщик план выполнил и даже премию получил. И т. д.

Я был удивлен, когда Соломенцев, Устинов, Долгих – Секретари ЦК, выступили очень резко в поддержку анализа Госснаба, требовали глядеть вглубь, вскрывать действительные причины толмачевства. Т.е. они все это видят и хорошо понимают, что дело в повсеместном и всеобщем невыполнении планов.

На последнем Политбюро (2 февраля) «подведены итоги» прекращения войны во Вьетнаме – вернее итоги встреч Брежнева с Ле Дык Тхо, а Суслова с министром иностранных дел Нгуен Зуй Чинем.

Брежнев: оценка откликов на свою речь на приеме вьетнамцев в Москве (проездом из Парижа, с переговоров) – главное, мол, что на Западе подчеркивают «твердость Брежнева в борьбе за разрядку». И все больше верят, что линия XXIY съезда - не конъюктура, а принцип. Не гнать по-прежнему военную технику в ДРВ. На вопросы Тхо об экономической помощи, я, мол, «не отреагировал».

Гречко: вьетнамцы по-прежнему не дают нам сбитую авиатехнику США, к Б-52 не подпускают, к американским минам в море – тоже.

Брежнев: Садат пусть подумает, что и для него значит окончание войны во Вьетнаме. Андропову и Громыко поручаем изыскать новые пути к контактам с Израилем. Прежние попытки – безрезультатные. «Сидеть, порвав отношения, - это не политика».

На этом же ПБ Полянского назначили министром сельского хозяйства, освободив от первого зама Председателя Совета Министров! Когда в субботу это было опубликовано в «Правде», никто ничего не мог понять. Я – тоже. (Я присутствовал только на обсуждении вьетнамского вопроса). Сегодня до меня дошел слух, что произошло это вопреки возражениям Подгорного, но потому, что Косыгин, давно враждующий с Полянским, нашел вдруг понимание у Брежнева, которого «подготовил» к этому Кириленко.

Итак, в Политбюро довольно крупная теперь группа недовольных, обиженных: Шелепин, Шелест, Воронов, Полянский, да и премьер с генсеком не друзья, еще того хуже отношения президент - премьер.

В Грузии большое недовольство тем, что снятый первый секретарь Мджаванадзе прикрыт от критики и разоблачений. Потому, что друг генерального «по войне».

В Армении: Бюро ЦК КПА единогласно вынесло решение об освобождении первого секретаря Кочиняна. Но из Москвы срочно пришло указание – отменить. Собрался Пленум ЦК, учасники которого, делая вид, что не знают о мнении Москвы, долбали членов ПБ, отменивших, конечно, свое решение, за мягкотелость и либерализм, за беспринципность. Кочинян – тоже друг генерального «по войне».

Еще в начале января утвержден план внешнеполитической активности руководства ЦК на 1973 год, в том числе и главным образом, поездки Брежнева в Индию, ФРГ, США, Польшу, Чехословакию, возможно, Финляндию, в какие-то социалистические страны.

Помню, как в мае прошлого года, когда готовили речь Брежнева на XY съезде профсоюзов, окрысился на меня Арбатов, когда я настоял перед Цукановым выбросить место, обещавшее ближайший Пленум ЦК посвятить научно-технической революции. Я тогда говорил ему: «Не будет твоего Пленума в 1972 году». Теперь похоже, что его не будет и в 1973 году.

В газетах, по телевидению и радио идет большой шум по поводу перестройки соцсоревнования на «состязательный» лад. А по впечатлением пропагандистских групп ЦК, объехавших страну с «итогами» доклада Брежнева на 50-летии СССР, ничего не делается по существу. И вообще ничего не делается. Декабрьского Пленума как не было.

Не возникает ли ситуация осени 1964 года?

Арисменди (первый секретарь КП Уругвая) у Суслова. Моя беседа с ним о поездке Арисменди в Корею. Его впечатления о Ким Ир Сене. Пышность приема там. Ужин на Плотниковом. Мой тост. Проводы в Шереметьево-2.

Разговор с Галей Волчек о ее новой постановке «Восхождение на Фудзияму» (по Айтматову) – видел за два дня до этого. Это – новое слово театра, глубочайшая вещь и острейшая. И опять – вызов нашим «культвластям придержащим». Кульминация – возглас героя=директора института: «Так это было потом (реабилитация), а тогда было не потом!» Это – находка на уровне пушкинского «народ безмолствует».

Высоцкий с новыми песнями. Одна из них о том, как два рабочих парня, друзья-забулдыги, решили ехать в Израиль (русский и еврей). Русского отпустили, еврей не прошел по пятому пункту. Марина Влади. Поговорили. Она мила.

<u>8 февраля 73 г.</u>

Вновь был на Политбюро, вопрос о вступлении СССР в международную конвенцию по авторским правам. Вчера весь день готовил для этого ПБ по наущению Б.Н. проект решения о новой Конституции. Б.Н. явно хочет внедриться в руководство подготовкой проекта. Однако посланный за подделанной Балмашновым (помощник Пономарева) подписью Пономарева (сам он в Гаграх) мой проект не обсуждался сегодня. Поручили Секретариату ЦК – «подготовить вопрос и внести»…

На днях был у меня Боря Панкин – главный редактор «Комсомолки». Говорит: «Наша общая (и индивидуальная – таких, как ты, я, подобных) беда в том, что на ключевых исполнительных постах сидят подонки, особенно (если говорить о нашей сфере – идеологии) в органах информации. И ничего ни Яковлев, ни ты не сможете вопреки им сделать. Вот ты выступил в «Коммунисте», вроде все согласились, а они тебя и на «дискуссиях», и на «ученых советах», и, косвенно, в печати помаленьку прикладывают (см. №12 «Вопросы истории КПСС») и ничего ты сделать не можешь. Они создают в определенном слое «общественное мнение». И за ними – «масса» служителей культа, как говорили несколько раньше, а теперь, я бы сказал, просто идеологические попы, которые готовы на все, лишь бы сохранить свои кормушки».

Видел сегодня в приемной ПБ Шауро. Он говорит мне: знаете, Сафронов выпустил первый том своего собрания и получил за него 75 000 рублей! Что делается!! Это он мне говорит!

9 февраля 73 г.

Вскочил в 6 утра. Поехал на теннис, проиграл, взбодрился.

Прочитал десятка два шифрограмм, дал всякие распоряжения… Попросил правку «Правды» к статье Арисменди о революционном процессе в Латинской Америке. Поправил набор статей для «Известий» о китайском шовинизме.

Поговорил с Катушевым о приезде на той неделе секретаря СЕПГ Аксена с большой группой – на взаимоинформацию по МКД. Дал команду секторам готовить материалы.

Написал две записки Пономареву на Юг – об Австралийской КП и о предстоящей в марте в Берлине конференции сорока двух компартий по 125-летию Комманифеста.

Прочитал ТАСС'овскую информацию. Поговорил с Шапошниковым и Пухловым о письме отца одного нашего младшего референта=кляуза на сына. Сын, возможно, дерьмо, но отец явно подонок полный. Я попросил разобраться, главным образом, зачем он написал такое на сына.

Поговорил с заместителем министра иностранных дел Кузнецовым о некоторых материалах к визиту Брежнева в Индию, с зав. сектором – о порядке их подготовки у нас.

Переписал и подписал несколько шифрограмм в разные концы мира.

Не раз пообщался с Балмашновым по разным проектам и принятым постановлениям ПБ и Секретариата.

Начал было читать рукописи к редколлегии «Вопросов истории», которая будет в понедельник, но не дали.

Подготовил проекты записки и телеграммы Берлингуэру, который приедет на встречу с Брежневым в середине марта.

И что-то еще было. Не припомню.

Читаю «Судьбу» Проскурина. О коллективизации. Новая реанимация Сталина. В библиотеке ЦК за ней – очередь.

13 февраля 73 г.

Подряд серия празднеств. В субботу - у Гилилова (коллега по работе в журнале ПМС). Арбатов, Ковалев (редактор БСЭ) со своей уже очень оплывшей постаревшей Соней. Тосты. Мне все говорили, что молод и не меняюсь. Было в общем мило: Гилилов – Ольга (новая, сравнительно молодая жена) – все как будто так всегда и было.

В воскресенье у Зигеля (школьный друг) 50-летие его Гали. Опять странное собрание самых разных людей: от «фантаста» Казанцева, который рекламируется в фильме ФРГ «Воспоминание о будущем», до полковника танковых войск, который напившись говорил: на чем советская власть держится, на авторитете что-ль? Он уже давно испарился! На нас она держится, вот! И поэтому мы всегда будем в порядке.

Прелесть старшая дочь Таня. Стихи о матери, фонари из коры и из железа, шаржи: ПетрI – Зигель и Екатерина II – Галя: в рисунок вмонтированы фото – лица матери и отца, очень здорово. Девочка статная и вполне спелая, охотно прижимается бедрами.

Зигель произнес ряд тостов в честь жены, преподнес ей рукопись (хобби) о Екатерине II, коя есть "прототип Гали"… как будто не было в течение 7-ми лет ни Клавы, ни каждый год буфетчиц из разных московских кафе и т.п.

Словом, благообразная, организованная, дисциплинированная русско-немецкая интеллигентная семья, какие, видно, были типичны для «московского общества» в начале XX века, а осколки их – и для 20-тых годов.

А гости (родственники и «те» знакомые) – публика в общем пошлая: советское чиновничество с претензиями на значительность.

И совсем другое «общество», хотя и не менее неприятное – в понедельник у режиссера Митты. Сам он – Саша Митта, постановщик талантливых детских фильмов, добр, обаятелен, прост, умен, без намека на вышендреж и современную богемность. Его жена (кстати, Дезькина двоюродная сестра) Лиличка. Прелесть, к тому же тоже невероятно талантливая баба. Она – кукольница и рисовальщица – иллюстратор детских сказок. Их сын, которому 9 лет, просто гениальный еврейский ребенок. То, что он рисует в духе экспрессионизма и примитивизма (не детского, а именно в стиле) может затмить экспозиции модных европейских художников. Его шаржированные портреты, сделанные в трехлетнем возрасте, поразительны глубиной и точностью схваченного образа.

Меня всегда потрясает тайна таланта, который может улавливать и выражать то, что недоступно даже энциклопедической учености. А здесь просто становишься в тупик. Ведь мальчишке 9 лет, он обычный школьник.

Но об «обществе». Артистки, дипломаты, научные деятели, литераторы. Мелко-средняя сошка, конечно (кроме Гали Волчек). Но зато – какие брючные костюмы, какие каблуки, какие блузки и бижутерия, как «сидят» сигареты и стаканы с джином в пальцах! Какая надменность и «простота» повадок. И вместе с тем – у баб – постоянный плотоядный поиск в глазах: не клюнет ли новый, незнакомый мужик, тем более – говорят – в ЦК работает!

Еще несколько лет назад я стушевался бы от застенчивости среди этой публики. А теперь почему-то держусь плево и совсем спокойно. Мне ничего от них не нужно. И их выпендрель мне смешна. Впрочем, среди этих двух десятков пяток людей было действительно интересных и милых.

Островитянов по поводу похорон Шаврова из МГИМО: «оказывается, умереть даже хуже, чем жить».

Загладин, наконец, вышел на работу после более месячной болезни. Рассказывал, чем он занимался: главным образом, изучением «совокупного рабочего» и вскрыл систему взглядов Маркса, Энгельса, Ленина на проблему – понятие – «рабочий класс». С увлечением рассказывал мне схему, которая у него в результате сложилась. Он очень поскучнел, когда я стал ему говрить о делах, которые я за него должен был делать в это время… Отмахнулся от того, что теперь ему бы следовало взять на себя…

И еще – смотрел я на его огромное рыхлое тело, теперь к тому же больное, и ужаснулся в душе: оно не может взлететь по лестнице, оно не может обнять женщину, не вызвав отвращения у нее, оно не знает наслаждения лыжни, ему недоступен теннис, да просто ощущение ловкости и силы, здоровья. Это страшно. И хорошо, что он об этом не знает. А ведь он моложе меня на 7 лет.

20 февраля 73 г.

Пономареву готовили доклад для международной конференции в Берлине по поводу 125-летия «призрака», который тогда «бродил по Европе». Кроме того, он же будет открывать конференцию в Колонном зале.

А когда мне предложили поехать в Бонн на аналитическую конференцию ГКП, Пономарев бумагу отложил. А в разговоре со мной об этом, проговорился:

«Ведь это же значит, что вам готовится к своему выступлению надо»… Он не хочет, чтоб я тратил время на себя, тогда как ему нужен для себя «свежий, интересный и содержательный текст».

Приехала большая делегация КП Англии. Видимся с нею. Они дотошные: везде – в райкоме, в оргпартотделе ЦК, у писателей все спрашивают, почему у вас все единогласно «за»? Неужели так уж все одинаково со всем согласны? Ведь, если, положим, до снятия Хрущева вы спросили бы у народа, он наверняка сказал бы про все его деяния «за». А через неделю сказал «за» его снятие!

Мы им говорим: а вы хотели бы у нас парламентских спектаклей? И чтоб по каждому вопросу – референдум?

Завтра начинается закрытая встреча европейских компартий по молодежи. Хоть я и принимал участие в ее подготовке, не пойму, что там закрытого… Ни «о себе», ни «о других» мы не ставим никаких проблем молодежи. Даже, собственно, практическая цель не ясна, просто надо демонстрировать самим себе и партиям международную активность МКД.

Встречал ирландку, которая приехала на молодежную встречу (Эдвин Стюарт). Она мне говорит в машине: третьего дня трех католиков убили у нас в доме. Боюсь за дочек (10 и 18 лет). На воскресенье мы их отправляем из Белфаста в другие города, к родным. В воскресенье протестанты особенно неистовствуют. Да и вечерами все время неспокойно на душе: я и Джимми (муж) то на митингах, то в разъездах. Они одни обычно дома. Ей самой лет 40.

В воскресенье были лыжи в Успенке. Это первый в эту зиму настоящий лыжный день. Я стремительно мотался по всем своим разведанным в прошлом году лыжням. Три часа – до полного изнеможения. А вечером пришлось встречать английскую делегацию (с Капитоновым!) и ужинал с ними.

Подписывая сегодня бланки на выдачу карманных денег прибывающим на «молодежную встречу» (по 100 рублей каждому, и это на два дня! При полном пансионе и прочем сервисе), я подумал: ведь это все «за счет тамбовского мужика». Пожалуй, ни одна другая страна не выдержала бы так долго долг интернационализма. И он давно бы загнулся совсем, если бы революция (главная) произошла не в России, а, допустим, в Германии или во Франции.

<u>24 февраля 73 г.</u>

21 февраля – на Плотниковом, московский корреспондент "Morning Star" – Коллин Вильямс, вместе с женой Джейн и делегацией КПВ. Мой тост. Подарил «от ЦК КПСС» часы. Тост главы делегации (Гордон Макленнан) – подтексты.

Закончилась встреча европейских КП по молодежи. Мое участие – косвенное.

На другой день два шведа (участники встречи) сказали: мол, ничего, конечно. Правда, неизвестно для чего такая встреча. А потом, больно уж старые дяди занимаются проблемами молодежи.

Банкет на Плотниковом по поводу окончания встречи. Молодой итальянец, француз – соседи по столу.

У Б.Н. еще один доклад перед аппаратом ЦК – 28 числа. Боже!

Кроме поездки в Берлин с «призраком», он еще будет открывать торжество по этому случаю в Колонном зале.

4 марта 73 г.

Неделя была трудная. Английская делегация вернулась в Москву (Ленинград, Киев, Вильнюс, Львов). Много пришлось с ними возиться, но в итоге – это интересно. Они начали (еще в Москве, на заводе малолитражек) интересоваться: «Какая средняя зарплата у вас на заводе? – 150. Ага…,- быстро считает что-то на бумажке, - значит надо три года работать, не есть, не пить, в кино не ходить…, чтобы приобрести автомобиль»

После этого начинается скандальная перепалка с переменным успехом. Ночью бородач Ральф Пиндор, рыжий, молодой шоп-стюард из Шотландии попросил главу делегации собрать всех вместе: «Вы зачем сюда приехали? Бузить, как провинциалы? Портить отношения между партиями? Вы что – в баре за углом находитесь или выполняете политическое задание?»

На утро все извинялись.

С каждым днем их критический пыл ослабевал. Даже те вопросы, которые они задавали всюду и хотели донести до ЦК КПСС, они в конце концов так и не поставили: о евреях (их теоретики пришли к выводу, что если бы у нас перестали евреев считать национальностью и записывать их таковыми в документах, - все сразу бы оказалось в порядке), о социал-демократии, об Общем рынке. Они хотят, чтоб мы по-прежнему против него боролись.

Матковский и Лагутин, которые с ними ездили, говорят: после многочисленных встреч на всех уровнях, англичане признавались, что они в каком-то странном состоянии. Возразить вроде нечего, крыть нечем, а неудовлетворенность остается.

Видимо, это от того, что они, как и вообще на Западе, хотят нас мерить несоизмеримым масштабом. А главное – их ошеломляет наша огромность, наша (пусть расхристанная – это, впрочем, только мы замечаем) мощь; то обстоятельство, что они каким-то боком ее родственники… И лезть с претензиями на то, против чего в общем «не попрешь», оказывается в конце концов смешным и мелким. И они утихают.

Тем не менее с Гордоном Макленнаном у меня, в связи с согласованием коммюнике, состоялся серьезный разговор. О том, почему мы нуждаемся, чтобы они «высоко оценили строительство коммунизма», об Общем рынке, о нашей внешней политике, о том, зачем нам нужна формула «совместной борьбы за единство МКД».

1 марта была официальная встреча делегации в ЦК КПСС. Делегация (глава) уже ни на что не претендовала, все страшно хвалила. Робко Гордон, обозначив, что вопросы по существу выяснены, предоставил Б.Н. самому решать, нужно ли останавливаться и здесь на них. Но Б.Н. «не счел» и нес баланду, фрагментами из своего последнего доклада для пропагандистов. Слушать было стыдно. Но англичане все сидели и кивали. Даже на вопрос Гордона о сельском хозяйстве, Б.Н. нагло заявил, что все «врут на Западе», что у нас трудности. Не было даже 1972 года, вообще ничего не было и все обстоит отлично.

Я сидел и думал: зачем он это делает? Все же знают, что это не так. Но, может быть, за этим какая-то своя мудрость есть? Может быть, им надо услышать из официальных уст поток оптимизма, чтоб также официально отбиваться от своих антисоветчиков в Англии?

Потом Капитонов говорил «о партии». По бумажке, какую-то совершенную нелепость с точки зрения нужд англичан. В захлеб рассказывал о том, как сегодня был подписан Леонидом Ильичем билет №1 – Ленину. Англичане таращили глаза и еле сдерживали ехидство на лице. Еще что-то, оторвавшись от бумажки – и уж

совсем понять было нельзя этого косноязычия. Джавад, который переводил, выруливал как мог, ища среди бессвязности, что же передавать по-английски.

Сначала мне было очень стыдно, потом стало страшно. Ведь этот человек ведает всеми руководящими кадрами Союза ССР! И счастье, что по случаю он не злой человек. Но его интеллектуальный потенциал, его представления о достоинствах человека, о том, что нужно нашему народу, просто не поддаются определению, потому что это нечто глинообразное, способное принять любую форму и выдавиться в любом направлении.

Вечером – беспрецедентно – Б.Н. и Капитонов приехали в гостиницу на прощальный ужин. В общем было неплохо. И искренне – дружески. Такие вещи Б.Н. умеет проводить: после их отбытия Макленнан затащил меня обратно в застольный зал. И тут уже начались тосты от души. Мой тост – долгий. О любви моей к Англии, о будущем этой «великой-таки страны».

Упомянутое «вручение» (как выразился на нашем партсобрании Паршин) билета №1 В.И. Ленину содержало само по себе «музыкальный момент»: Подгорный, Косыгин, Суслов, которого в этот день не было в Москве, захотели быть запечатлены, как участники процедуры. Поэтому Замятину (ТАСС) было поручено раздвинуть фотографию для «Правды» и поместить их на соответствующие места рядом с Леонидом Ильичем. Но Шелеста и Шелепина, которые также отсутствовали, не сочли нужным вмонтировать, хотя в официальном сообщении «Правды» о церемонии они названы среди присутствующих.

Билетом №1 дело не кончилось. На другой день в «Правде» последовало сообщение о том, что билет №2 был вручен Л.И. Брежневу!... Мало ему, что до этого целую неделю вся Москва рассказывала друг другу о том, как «Брежнев обнимал Подгорного по бумажке». (По случаю вручения Подгорному второй золотой медали Героя социалистического труда за 70-летие).

Я поражаюсь всему этому, несмотря на то, что Брежнева и многих других из них знаю лично. Неужели они не видят не только пошлости в этих «мероприятиях» (это ладно бы, можно было списать на то, что пусть, мол, интеллигентики морщатся), но и прямого вреда своему престижу: ведь народ смеется. И смеется злобно, презрительно, отнюдь не добродушно.

8 марта мне надо ехать в ФРГ. На конференцию ГПК. Вчера весь день писал доклад. Соорудил двадцать страниц.

А 9-го и 14-го Пономарев выступает по «призраку» в Колонном зале и Берлине. Очень он следит за тем, чтоб я занимался его докладами, а не своим. И действительно, я не имел ни дня, чтоб даже подумать о своем тексте.

Сегодня три с половиной часа бегал на лыжах. Километров 40, если не больше. На даче – сказка. Это, видно, последний в этом году лыжный день. А как лыжник я еще могу. Во всяком случае со стороны я не «прогулочник» и не «моционщик», а именно гонщик, хотя и престарелый.

5 марта 73 г.

Сегодня вечером прогуливались с Искрой. Я хотел организовать ей поездку в Италию, в одну из организаций ИКП для чтения лекций. Это у нас практикуется каждый год. Б.Н., как-то посоветовал мне искать для этого новых, толковых людей. Первая пришла мне в голову она и я порекомендовал ее. В самом деле – великолепный лектор, превосходно владеет аудиторией, универсально образована, умна, обаятельна, чего еще?!

Но ее очень долго проверяли в КГБ. Это мне показалось странным. Потом прислали короткую записку: «находилась близкой связью с Бурхард» Кто такая Бурхард?… Устно добавили (правда, звонили не мне, а в секретариат отдела), что про ее мужа (Гулыгу) лучше и не перечислять, что за ним тянется. И вообще среда очень подозрительная. «Но за самой Андреевой (Искрой) кроме Бурхард вроде ничего нет».

Я решил наплевать и представил ее в комиссию по выездам. Ее туда вызывали и инструктор невзначай спросил, знает ли она Бурхард. Потом Искра мне рассказывала, что она сначала не поняла и по контексту думала, что это кто-то из деятелей ИКП, и ее проверяют на осведомленность в делах этой партии. Она смущенно ответила, что не знает такого (!) (не поняла, что это женщина).

Потом ей разъяснил инструктор, что речь идет об осужденной за антисоветскую деятельность. Она тем не менее все равно не могла припомнить Берхард. Но сказала, что была знакома с какой-то знакомой родственницы Солженицына. Инструктор, как потом выяснилось, заметил, что она все врет и намеренно запутывает.

На днях мне Н.Н. Органов, председатель выездной комиссии, позвонил и с негодованием стал говорить, какая Андреева антисоветчица, что она помогала переправлять рукописи Даниэля за границу, что Бурхард – это жена Даниэля, которая тоже в 1968 году осуждена за антисоветчину и т.п. Словом, мы, не можем ее выпустить и собираемся обо всем сообщить в райком.

Я заговорил на басах, хотя Органов старик и большой чин. Я ему сказал, что не верю ни единому слову в этом, так называемом «расследовании», что если б это было так, ее давно бы выгнали из партии (где она, кстати, уже 20 лет), как это сделали с другими, и прогнали бы с работы, что я знаю Андрееву уже четверть века, «живого человека знаю, а не бумажку», и подобные речи о ней ни одной секунды больше слушать не буду. Все это полный вздор.

Искре я ничего этого, конечно, не сказал, но поскольку о том, что ее спрашивали о Бурхард (кстати, оказывается, жена Даниэля – Богораз, а совсем не Бурхард, которая нечто другое, но ни ту, ни другую Искра никогда не знала) я узнал сначала не от Искры, а от самой комиссии. Я посоветовал Искре позвонить инструктору и «ответственно заявить» ему, что она никакой Берхард и никакой жены Даниэля не знала и пусть они ей этого не клеют.

Искра страшно расстроена: в ее официальной биографии появилось такое(!) «пятно». А я боюсь, что они все-таки сообщат в райком. И тогда я своей инициативой ее поездки в Италию стану причиной того, что ей не обменяют партбилета! Ничего себе!..

Пономарев сказал мне сегодня, что он подумывает, не рекомендовать ли меня на директора Института марксизма-ленинизма. Но, говорит, жалко отпускать. А Федосеева надо освобождать от одной из должностей (вице-президента или директора ИМЛ). В ответ я назвал Загладина, который мне не раз говорил, что не прочь бы пойти туда. Но Б.Н. разразился против Вадима, назвав его «вертопрахом». И делал при этом всякие презрительные гримасы. Сказал, что непосредственной причиной его «тогдашнего» указания насчет публикаций замов и вообще работников Отдела был не Ульяновский, а именно Загладин. Перед тем ему, Б.Н.'у Суслов показал целую стопку брошюр, сборников «под редакцией» Загладина и потребовал от Б.Н., чтоб тот прекратил эту «распущенность». И вообще, заключил Б.Н., к Загладину там (!) очень неважно относятся… (при этом он мотнул головой вверх).

Я то со своей стороны думаю, что до Б.Н. дошли какие-нибудь «высказывания» Загладина на его, Б.Н.'а, счет на стороне, а, может быть, и в среде

Александрова-Агентова… Что вполне вероятно. У Загладина действительно появился «беляковский»[1] оттенок в отношении Пономарева.

19 марта 73 г.

С 8 по 15 марта был впервые в ФРГ. Огромные впечатления всякого рода, пожалуй, самая интересная из моих деловых поездок.

8 марта – Восточный Берлин. Встреча с Гарри Оттом (заместитель заведующего Международным отделом СЕПГ). Обед в партгостинице. Случайная встреча с Сашей Хениным – вторым секретарем КП Израиля, который отдыхает с дочкой в ГДР. Дочь – это подлинное еврейское божество. У мня буквально отвисла челюсть, когда я оглянулся, представленный Марковским, чтоб протянуть ей руку. Кажется, такой красоты женщины я не видывал никогда – ни на картинах, ни в кино, ни в жизни.

Обед. Переезд сквозь «стену» в Западный Берлин. Через час – в Кельне. Вечером – ужин в ресторане с Трамбовским (секретарь Рейнско-Вестфальского обкома), членом ПБ Гердом Доймлих, еще кем-то. Скучно. Первый разговор – первая разведка.

9 марта – беседа в Рейнско-Вестфальского обкоме. Речь, дискуссия. После обеда – в Вупертале на родине Энгельса. Дом партпросвета, в январе выжженный фашистами. Дом, где родился Энгельс, вернее место, где был этот дом, разрушен бомбой. Венок у камня. Дом-музей семьи Энгельса. Сделан муниципалитетом. Очень приличный, но коммунисты урчат, обидно, что не ихний.

10-11 марта – конференция в Кельне. Посвящена «призраку». Но не научный симпозиум, а политическая акция. Я – в президиуме, рядом с Бахманом (председатель ГКП). Доклад Бахмана, мой доклад, доклад Диля – директора какого-то института в Восточном Берлине, доклад главы ЦК СЕПГ. О Диле – 12 раз подходили к нам с Рыкиным участники конференции, чтоб выразить презрение к болтовне, которую он нес, «позорив и нас и свою партию». Характерно, что, не очень оглядываясь, норовили довести это именно до нашего сведения.

Осмотр центра Кельна. Собор! Дом №4711, где был изобретен одеколон. Дом, в котором был процесс «Союза коммунистов». Дом, в котором выступал Маркс.

12 – понедельник. В Бонне. Беседа с послом Фалиным. Держался подчеркнуто просто, но с дистанцией: понимай, мол, кем я назначен и перед кем отчитываюсь (он из брежневской Завидовской команды. Друг Толи Ковалева). Четкость и деловитость ума, отвращение к трепу и общим фразам, несколько наигранная критичность, из которой следует, что все остальные дураки.

Основные его идеи:

Отдали Брандту национальную проблему. Он – национальный герой. У «бороды» (Ульбрихта) была концепция будущей Германии пусть утопическая на сегодня: когда вся Германия будет социалистической, тогда возродится и единство нации. У Хоннекера нет никакой концепции. Он плывет по течению и им крутят приближенные, которые знают, что делают. С одной стороны, они предлагают СССР интеграцию, понимая, что это не будет принято, но выглядеть будет как знак высшей преданности. С другой стороны, они организуют мелкие провокации против политики Брандта: со статусом журналистов, с воссоединением семей (особенно детей), возбуждая ненависть прежде всего у ГДР'овского населения. Впрочем, сами

---

[1] *В 60-х годах первым замом в Международном отделе был А. Беляков. Талантливый, но шебутной мужик, потом отправленный послом в Финляндию. Он явно претендовал занять место Б.Н.*

они ничем не рискуют. Потому что едва ли они действуют не по заданиям западно-германской разведки.

Вы учтите, продолжает Фалин, что помимо активнейших экономических связей между ГДР и ФРГ, о которых нам известно «почти ничего», так, в общих чертах, в обе стороны идут невидимые, но мощные потоки. Это, знаете, как подводные течения, которые в конечном счете и определяют жизнь океана. По всем линиям: профсоюзной, научной, технической, культурной, но особенно – лично-семейные связи и (!) межпартийные, политические=сверх тайные.

Десятки, сотни эмиссаров с разными хорошо прикрытыми заданиями ездят взад-вперед ежедневно. От нас это скрывают в первую очередь. Недавно, говорит, был такой эпизод: один такой несмышленный эмиссар должен был что-то срочно передать в Берлин, а шифросвязи, естественно, нет. Он прибежал к нам в посольство и попросил сделать это через нашу службу. Мы сделали. А потом узнали, что в ГДР он уже вернулся исключенным из партии, и – канул куда-то.

Они (ГДР) действительно демонстрируют перед нами (СССР) самую преданную дружбу. В этих целях, помните, они предложили нам проекты полной отраслевой производственной интеграции. Мы-то не нахвалимся, уши развесили. А между тем, они отлично знали, что мы не в состоянии принять их «смелых интернационалистских проектов». Обратите, между прочим, внимание: несмотря на все наши подходы, ГДР'овцы упорно отказываются принять нашу систему ГОСТ, и пользуются западно-германской, общерынковской системой стандартов. Вот вам и интеграция.

Да, что вы хотите! Возводить в теорию разделенность великой нации, в конце XX столетия! Это ли не абсурд! Нам надо серьезно думать над «концепцией Германии». Иначе через пяток лет мы будем иметь в ГДР такое, что оккупационных войск может не хватить.

Много Фалин говорил о ЧП, которое произошло месяц назад. Один из членов ПБ ГКП «потерял» портфель со всей кадровой картотекой партии и ее финансовыми связями. Портфель оказался в полиции… Теперь все в руках Геншера – министра внутренних дел ФРГ.

В известном противоречии с самим собой Фалин считает, что ГКП не стать серьезной силой, пока и если она не откажется от «поклонения» СЕПГ и повторения за ней всех «позиций» по кардинальным вопросам… Во всяком случае до тех пор, пока ГКП не будет иметь самостоятельной линии в таких делах, как «Общий рынок» и национальный вопрос! Хорошенькое дело! – возразил я, это вы предлагаете, когда ГКП – в кармане у СЕПГ и существует на ее средства!

Сказал о Венере, зам. председателя СДПГ, председателе фракции социал-демократов в бундестаге, бывшем коминтерновце, а теперь «патриархе» СДПГ.

Мне-таки пришлось выступать с докладом перед дипсоставом посольства, после чего Марта (жена Каплука) доставила нас с Рыкиным из Бонна в Эссен (120 км.) за 30 минут. Она настоящий асс за рулем, да еще хулиганит, сметая с пути на скорости в 200 км. впереди идущие машины. Она была «связной» у партии когда-то в подполье. Возила запрещенную литературу, документы людей. За 10 лет ни разу не попалась и всегда уходила от погони, если ей «садились на хвост».

В этот вечер в Эссене – расширенный пленум обкома: подведение итогов забастовки на «Маннесманне». Огромное впечатление: рабочие-коммунисты, те, кто «делал» забастовку, вопреки профсоюзам и социал-демократам, обеспечил ей успех. Их рассказы – о том, что делалось прямо по дням и часам. Целую неделю. И обобщения и выводы. И какие все ораторы! И этот боевой пролетарский дух! Ведь на заводе всего 12 коммунистов, а социал-демократов – 3200.

Дважды были встречи в правлении партии: в воскресенье, сразу после конференции. И в среду – Ангенфорт, Мюллер и другие. Прощание с Бахманом, Мисом. Интеллектуальный и политический потенциал почти всех лидеров. Их серьезность и авторитет, основанный на умении, на знании, на силе самоотдачи, на высокой идейности и открытости для любого спора, любого дела, для каждого, кто захочет испытать их квалификацию и преданность. Но куда он идет, этот потенциал? Безнадежному делу служит.

Дороги, мост через долину реки Рур: 2 км. на тонких опорах 125 м. высоты. Чудо. Индустриальная мощь Германии – по бокам автобанов, когда едешь по Руру. В ночи – огни, днем – громады заводов. Рурские города: Дюссельдорф, Дуцсбург, Дортмунд, Эссен – это уже один мегаполис с населением больше 9 млн. Не замечаешь, когда выезжаешь из одного города и въезжаешь в другой.

Немки – красивые, породистые, отмытые, грудастые, богато со вкусом одетые. Сила нации. Столько красивых женщин – подряд, косяками, я не встречал ни в одной стране.

21 марта 73 г.

Всего неделя, как я был в Германии. Отскочило и это.

Сегодня – «грозные события». Неожиданно Загладина и Шапошникова вызвали на Секретариат ЦК и объявили им «на вид, строго предупредить» за то самое дело, которое было в канун 7-го ноября, т.е. тому уже 5 месяцев (речь идет о небольшой выпивке в кабинете Загладина, участвовал и я, и Кусков, и Жилин, и Пушков, и Брутенц, но большинство ушло рано, «попались» оставшиеся часов до одиннадцати).

Почему вновь все это всплыло? Мы все вместе долго обсуждали, старались докопаться до корней. Щелчок Пономареву? Зачем? По-видимому, в «верхушке» продолжается перестановка акцентов, перебалансировка, первый явный знак которой – понижение Полянского. Дело в том, что вслед за разбором Загладина и Шапошникова, тут же на Секретариате сняли Яковлева с первого зама агитпрома («направить на дипработу»). Предлог – его статья в «Литературке», громившая почвенников и современных славянофилов. И, собственно, даже не сама статья, а тот факт, что она была опубликована «без ведома». (Справка: каждому более или менее аппаратно грамотному человеку ясно, что она не могла быть опубликована «без ведома». Когда она вышла и против нее началась вонь со стороны Голикова и К°, Яковлев организовал утечку информации – а именно: статья была одобрена и разрешена Демичевым.)

Однако, когда Суслов поставил вопрос на ПБ, Демичев заявил, что он статьи вообще не читал. На эту для всех очевидную ложь никто и глазом не моргнул, а выводы были сделаны против Яковлева. Демичеву «подсказали» представить его к отчислению. В записке, говорят, он (вопреки тому, что заявил на ПБ) «подписал», что против содержания статьи не возражает, хотя она содержит идейно-политические недостатки. В вину Яковлеву поставлено главным образом то, что «без ведома» – явная ложь. Общественное последствие этой акции очевидно: статья выглядит как ошибочная, причем настолько, что ее автора, члена Ревизионной комиссии и фактически заведующего отделом ЦК, сняли с работы. Все наше черносотенство возрадуется весьма.

… Б.Н. не раз в последнее время говорил мне, что у Суслова на столе целые подборки наших произведений (т.е. работников Международного отдела), в которые

он, М.А., тыкал носом Пономареву: мол, нехорошо, ведь этих «авторов» воспринимают как представителей ЦК.

Сам Пономарев на этот счет на большом подозрении: он появляется в печати больше, чем все остальные вместе взятые члены, кандидаты ПБ и Секретари ЦК, исключая, конечно, Генерального.

Помощники (особый клан, населяющий Усово и Успенку) открыто бурчат по поводу «теоретической» активности Пономарева, у которого де на побегушках целая свора консультантов-писарей.

Но это все явно уже «отложилось» и на верхотуре. Это создает (вернее выдает) атмосферу какой-то большой коллективной безнравственности. Так называемые «интересы дела» не имеют к этой жизни никакого отношения.

Б.Н. собирал сегодня весь Отдел. Говорил о бдительности при общении с иностранцами. Смысл: не говорить ничего, что не опубликовано у нас. Записывать все сказанное тобой и собеседником в пронумерованную тетрадь. И т.п. Все это – полный абсурд. Никакую политику нельзя делать, если ее исполнителей превратить в истуканов, бездумно повторяющих газетные фразы.

25 марта 73 г.

Встал рано. Перечитываю «Литературку» – последние номера, которые пропустил из-за ФРГ. Густо идут статьи о современном рабочем, о современном интеллигенте, о современном герое литературы. Каков он? Каким должен быть? В центре таки образ руководителя. За объект дискуссии взят Пешков из «Человек со стороны» Дворецкого (я видел в «Современнике»): «социальная активность, сознательность, гражданская честность и мужество личности героя современности, профессиональное мастерство, четкая компетентность, безусловная рациональность, как условие нравственного подхода к современным задачам». Обсуждают горячо и грамотно этот эстетический поиск современной советской литературы. Но – в свете того, что рассказано выше, - не без хозяина ли они этим занимаются? Или, может быть, хозяин не в курсе дела?

Вчера ходил в Третьяковку на Бориса Мусатова. Только, пожалуй, «Реквием». А так – анемичный мир болезненного, «убогого», как сказали бы раньше, человека утонченного вкуса. Мир, который заставляет задуматься о бесконечности вариаций и возможностей человеческого духа, о нераскрытых тайнах этого духа, которые притягивают, волнуют. Но сам этот художник не волнует.

1 апреля 73 г.

В «Вопросах литературы» - неопубликованная ранее рукопись Ахматовой о гибели Пушкина. Вообще о Пушкине. Любимовский Пушкин («Товарищ, верь»…) на Таганке. Мне дали посмотреть стенограмму многочисленных обсуждений «прогонов» перед выпуском или невыпуском спектакля, в том числе убогие и страшные высказывания начальника управления культуры Покаржевского, и одновременно смелые, со ссылкой, что мы, писатели, тоже несем ответственность перед народом за его культурное и духовное развитие, что нетерпима претензия на монополию в этом со стороны всяких управлений и т. д. Так вот о Пушкине. Почему к нему все возвращаются? Он универсален, как всякий гений, как всякий великий – он «вечен». Но Пушкин универсален и вечен в гениальности каждого своего конкретного, неповторимого проявления. А потом – слово! Вот читаю его сейчас и застаю себя на том, что раньше воспринимал многое просто как музыку, не

вдумываясь в смысл словосочетаний. А иногда, оказывается, и не понимал смысла его стихов. Сейчас – чувство слова очень обострено, сейчас видишь и все стихотворение в целом, его балансировку, и каждую строфу, и каждый слог. И музыка соединилась с восторгом от проникновения в каждый поворот мысли. А за этим – еще и труд великий. Некоторые стихи предстают совсем в другом свете, чем когда-то. Например, «К вельможе» (Юсупову – хозяину Архангельского).

Одновременно читаю привезенную из ФРГ книжку Jack Pine "The love sucker". Секс-бомбовая книжка, с редким набором ядреных приемов. Я, кажется, уже образованный в этом деле человек… Но тут опять много неожиданностей. Поистине, сексуальная революция, как и всякая революция, вскрывает необыкновенные творческие возможности!

«Умер Че Гевара, но «для мальчиков не умирают Позы», и тень его бродит по странам Америки и Европы, как грозное предостережение всем чрезмерно сытым, успокоившимся, зарвавшимся, раболепствующим и пресмыкающимся, всем забывшим о человеческих идеалах достоинства, истины, справедливости». Это из статьи В. Гусева (?) в №3 «Юности». Это когда в апогее власть над нашей духовной жизнью у таких людей, как Демичев, Трапезников и, как говаривал Ленин, tutti quanti.

Этого Трапезникова – уродца в большой кепке я видел недавно издали в Успенке. И вновь испытал чувство бешенства, - подойти бы и в морду, и поднять за грудки, и опять в морду, приговаривая: «Чтоб не мордовал советскую власть, чтоб не поганил идеалов!»

2 апреля 73 г.

Вчера прочитал «Альтернативу» Роже Гароди. Долго откладывал. По началу, казалось, что все - одно и тоже. Он ведь каждый год по книге выпускает. В общем-то и на этот раз оно так и есть. Но все-таки заставляет (когда на досуге) задуматься.

Поскольку он ренегат, сжегший все мосты, он наслаждается свободой мысли. Буквально купается в ней, резвится, как жеребец, долго застоявшийся в ограде марксистского догматизма, в возведении которого, кстати, Гароди принял самое живое участие – причем не только за рубежом, но и у нас: в 50-тых – начале 60-тых годов.

Но такая неуемная «свобода мысли» вредна для действительно научного анализа. Пороки догматического марксизма очевидны. Они давно на поверхности. Строить «систему на будущее», отталкиваясь от них, - достаточно одного литературного опыта. Это тем более легко делать человеку, который сам был взращен на федосеевском марксизме (говорят, Федосеев был даже официальным оппонентом на его докторской а АОН). Но это дело мало перспективное. Этим занимаются батальоны антисоветчиков самых разных оттенков. Это первое.

Второе. Будучи, как его раньше у нас принято было называть, «образованным марксистом», т.е. весьма начитанным в марксистско-ленинской литературе и ее истории человеком, а плюс к тому – будучи в курсе огромного потока общественной мысли на Западе[2], он ухватил практически все коренные проблемы современной революции. Многие он поставил интересно и свежо, возможно – правильно. Например, с определенного момента, а именно – когда производство начинает «определять» рынок, диктовать потребности, изобретать их,

[2] *Наши «ученые» в большинстве своем о ней имеют лишь превратное представление по крикливой критике в наших газетах и журналах, а отдельные привилегированные москвичи – по рефератам, лишь некоторые, знающие иностранные языки и допущенные к оригиналам – что-то.*

навязывать спрос и, таким образом, расширять его, снова и снова обновляя ассортимент, - коренным образом меняется положение А и Б в способе производства. Основную массу капиталовложений потребляет уже Б, а это лишает производство средств производства (А) его определяющей роли: 1) в развитии цикла; 2) в создании тенденции к понижению нормы прибыли, которая согласно фактам, уже не действует сейчас. (Также и благодаря превращению научного труда в «живой труд», непосредственно создают прибыльную стоимость, а не только омертвленный в прошлом в машинах и прочие).

Подобное и многое другое требует, конечно, очень серьезного внимания и анализа. Но дело в том, что теперь не только для нас, но и во всем нашем комдвижении все, к чему прикоснулся Гароди, - ревизионизм. Я это смутно почувствовал в ФРГ: на конференции, где речь шла о тех же вопросах, о которых пишет Гароди в своих книгах, - никто не захотел «давать ему отпор», имя его за два дня ни разу не было произнесено. Но (и это важнее!) – никто не осмелился поставить вопросы так, как они поставлены у Гароди (хотя бы в другой форме), хотя, возможно, иная постановка каждого данного вопроса научно немыслима. Таков очевидный вред его ренегатства.

Но всякие публичные размышления на эту тему и в СССР и в нашем комдвижении – теперь табу, ревизионизм. Потому что здесь прошелся Гароди под ручку с испанским Каррильо.

А федосеевский марксизм, оказывается, такой пугливый и такой (на самом деле) творчески беспомощный, да к тому же еще невежественный, что он не осмелится сам поставить проблему на попа и решить ее лучше, чем это пытается сделать Гароди. Да, к тому же у него и задача другая: клеймить иноземных и вылавливать отечественных ревизионистов, а не проникать в суть вещей.

Третье. Антисоветизм Гароди, яростный и ослепляющий, как у всякого ренегата, вывел его не только за пределы ФКП[3], но и за пределы здравого смысла. Много интересных мыслей у него о, скажем так, преодолении капитализма. В частности, и о «национальной забастовке», идею которой он заимствовал у Каррильо: там особенно, - что решающая борьба развернется не на улице и не в парламенте, а «на рабочих местах». (Кстати, не зная об этом, Пономарев перед каждым своим очередным докладом настаивает на этой мысли). Однако, все частности девальвируются, если они не выстроены в контексте основного баланса сил в мире. Списав нас идеологически (техно-бюрократический социализм), он игнорирует нас и политически, не понимая, что мы уже – органическая составная часть всего современного развития, во всяком случае, – на тех направлениях, которые имеют или смогут иметь историческое значение. И Наоборот, поверив Мао и поддержав его идеологически (философия культурной революции), он и политически берет маоизм только с плюсом. Между тем, это – сила реакционная, и чем дальше, тем больше. Если она когда-нибудь и станет формирующей новую высокую цивилизацию, то только путем подавления цивилизаций уже созданных. Гароди, не чуждый в проникновение сути и возможностей религиозной идеологии в истории человечества (а здесь еще включается расовая психология массы), должен был бы это понимать. Однако, ему застит глаза тот же антисоветизм.

---

[3] *Можно быть полностью уверенным, что если б не антисоветизм и не посягательство на «демократический централизм», т.е. на позицию Марше, Гароди остался бы в партии, и все его теории оказались бы в иной «системе отношений».*

3 апреля 73 г.

Вчера еще читал новый роман Войновича о Вере Фигнер. Он – талантливый и по стилистике, сделан под прозу 80-ых годов прошлого века. Очень хорошо вводит в атмосферу эпохи. Однако, главное его достоинство – в скрытой философии. Современная сложность судьбы нашей революции (Октября) как бы экстраполируется на революционное развитие тогда: чистая идея, воплощенная в Вере и ее подругах – в соприкосновении с пошлой реальностью сверху до низу. Но автор (и в этом небанальность его трактовки этого противоречия) вместе с рассказчиком, от имени которого идет повествование, сам глубоко ироничен (не в литературном только – и этого много – но в философском смысле). Он как бы все время сочувственно и с горечью издевается и высмеивает беспомощность, наивность и в общем – бессмысленность их подвига и самопожертвования. И вместе с тем, оставляет глубокое убеждение в исторической неизбежности и … необходимости таких порывов, такой идейности.

4 апреля 73 г.

Возвращаюсь к «Вере Фигнер». В последние годы тема народовольчества и вообще «той эпохи» очень популярна: и в исторической литературе, и в художественной, и в журналах, и в издательском деле. Только из того, что попало в сектор моего внимания: о Перовской, о Бакунине, о Кропоткине – в серии «ЖЗЛ» или в популярной серии издательства «Наука». Издан заново Степняк-Кравчинский. В каждом выпуске «Прометея» обязательно что-то есть: в последнем – о Клеточкине (агенте Народной воли в III отделении). В «Вопросах истории», где я член редколлегии, то и дело что-то идет. Теперь вот Войнович, вспыхнувший лет 7-8 назад на литературном горизонте своими далеко не ортодоксальными рассказами, выпустил книгу о Вере. А Лебедев (автор знаменитого «Чаадаева») заканчивает книгу о Желябове.

Что бы все это значило?

Это явно перекликается с такими штучками, как я процитировал из «Юности» – о Че Геваре. Образовался вакуум в духовной жизни. Молодежь (лучшая из массовой ее части) прагматична, деловита, готовит из себя специалистов, рано женятся. Какой-то, сравнительно тонкий слой отпрысков «элиты», паразитирует за счет родителей. Остальные просто работают и живут, ни о чем не думая. Есть довольно многочисленная группа комсомольских горлопанов и карьеристов втихоря. Среди комсомольских активистов – единицы действительно идейных и самоотверженных, или опять же деловых людей, очень положительных, но «без всяких этих фантазиев» (вроде руководителей студенческих отрядов). Срез молодежи отражает состояние нашего общества.

И, пожалуй, не молодежь сейчас – «носитель потребности в идеях». Скорее – «поколение комбатов», людей, вышедших из войны и торопящихся сделать все, что могут, чтобы не допустить опасной (в своей необратимости) утечки духовности из общественного сознания и жизни.

5 апреля 73 г.

Жажда духовности возникает скорее не из жизни повседневной, она питается подпочвенным потоком «национальной традиции». Сейчас вошел в моду (среди рафинированной интеллигенции) Токвиль. Давление «старого порядка» (почти

равнозначное «природе человека») сказывается у нас не только в структуре и обычаях государственной практики, но и в идейной жизни. Находит разные выражения. Одно – хорошо известно: неославянофильство, почвенничество от Солженицына до Солоухина и далее – неосталинистской «Молодой гвардии». Другое - «неозападничество», которому положил начало «Новый мир» (особенно Лакшин своей блестящей публицистикой). К этому течению и примкнуло увлечение народничеством, а скорее – народовольчеством. И здесь не только тяга к идейной чистоте и самоотверженности. Здесь – и какой-то смутный намек. Недаром активизировалась эта тенденция в связи со стрельбой у Боровицких ворот года три тому назад[4]. Тогда говорили, что если стране суждено проделать еще один исторического масштаба революционный цикл, то она находится сейчас где-то в 60-ых годах XIX века (по аналогии).

Поиск духовности идет и на основе советской традиции. Характерны все более частые (и все более стилизованные – для удобства современников) обращения к эпохе гражданской войны. Но еще более примечателен затаенный и страстный, неистребимый как больная совесть интерес к «Великому 1941-ому». Как ни стараются его притушить, фальсифицировать, канализировать в нужное русло демичевские клевреты, корни этого интереса глубоки и долго еще будут держаться и прорастать. Ибо это была высшая кульминация в развитии собственно советского общественного сознания. Где-то в 1942 году можно датировать начало «постреволюционной» эпохи в истории нашего государства и общества.

7 апреля 73 г.

После болезни первый день на работе. Ощущение: без тебя она все равно бы делалась. И в общем-то незаметно, должно быть, чтобы хуже, чем при тебе. Пожалуй, только в секторе: Англия, Ирландия, Австралия – делалось бы что-то не так, как нужно. А главное ощущение – каждый раз, когда отрываешься от работы, что она тебе больше нужна, чем ты ей.

Я настолько уже интегрировался в свои 52 года в эту свою деятельность, что не могу теперь представить себя иначе, как именно в этой «жизненной ситуации».

Оказывается, началась бурная подготовка к Пленуму ЦК. Два года, если не больше ждут от раза к разу Пленума по научно-техническому прогрессу. Но это опять отложено. Как и Пленум по международным вопросам. Генералы и полковники от хозяйства, обкомовцы и прочие, видимо, наполняются тихим бешенством. Да, и в самом деле, какая логика?.. Там, где дела идут все хуже, «проблемы лежат», их не хотят возбуждать (то ли потому, что неизвестно, как их решать, то ли потому, что раз не сделан главный выбор: вооружение или экономика, нет средств их решать; то ли потому, что не «Сам» готовит этот Пленум, а другие, конкретно – Кириленко). А там, где дела идут прилично и ясно, то все равно уже пойдут в этом направлении, другого пути нет, там многократно и пышно обсуждаются «итоги и выводы», к деланию которых 99,99% Пленума прямого отношения не имеют.

Впрочем, это соблазнительная сфера: все мировые средства массовой информации работают тут на наш престиж и авторитет. Все на виду: красиво и приятно. И дело видно…

Пономарев, Александров-Агентов, Загладин и К° засели в Новом Огареве. Готовят основной доклад и попутно материалы к поездке Брежнева в ФРГ. Эта связь

[4] *Покушение на Брежнева.*

не случайна. Загладин «просочил» такой разговор с докладчиком: «Я, мол, не хочу, чтобы это выглядело как моя поездка; я хочу, чтобы это было нашим общим мероприятием, коллегиальным»... Именно поэтому, в отличие от практики, которая установилась после XXIII съезда, на Пленуме будут выступать и другие члены руководства, в частности, и Пономарев. Консультанты во главе с Жилиным имеют большую суету в связи с этим. Юрка сообщил мне о главной проблеме: как подавать заслуги Генерального в выступлении Б.Н. Между прочим, он, Жилин, вспомнил один момент, случившийся в Берлине, где Б.Н. делал доклад о 125-летии «призрака». Ему пришлось произносить тост на итоговом банкете. Он сделал это экспромтом, а потом, когда Юрка подлез к нему с записанным текстом для печати, тот с беспокойством стал его наставлять: «Только, чтоб было так, как я сказал, именно так: не «во главе с», а «Политбюро», запятая, «лично товарищ Брежнев» и т. д. Повторил это несколько раз. Вернул уже уходящего было Жилина и еще раз ему «разъяснил».

Яковлева, говорят, уже назначили послом в Канаду. Москва еще ничего не знает. Сам Яковлев – в больнице. Хлипкий народец пошел!

10 апреля 73 г.

Еще о Яковлеве. Говорят, что вовсе и не статья в «Литературке» – причина. Так... повод. Главное, что «неправильно» обеспечивал «подачу» руководства в нашей пропаганде. Недостаточно развертывал эту тему, даже сдерживал!..

С этим корреспондирует один знаменательный эпизод. На последнем Секретариате ЦК обсуждался вопрос: о 2-ой книге пятого тома «Истории КПСС». Обсуждалось закрыто. Всех попросили... Оставили Поспелова (главного редактора всего издания), Федосеева (директор ИМЛ, где издается) и Кукина (ответственный в ИМЛ за издание). Говорил один М.А. (Суслов). Итог: «книга подготовлена на чрезвычайно низком теоретическом уровне, допущены грубые политические ошибки».

В чем дело?

Период: 1946-1958 г.г. Оказывается, авторы допустили очернительство в отношении деятельности партии. Принизили ее роль. Акцентировали на критике. Неправильно оценили XIX съезд партии.

Как понял «проницательный читатель», т.е. причастная общественность, до которой просочились сведения о Секретариате?

Очень просто понял: ведь на XIX съезде в руководство партии впервые был избран Брежнев. Как же можно называть этот съезд плохим! Наоборот, надо подымать его роль, как это сделано, например, с битвой под Новороссийском etc.

Так мне изобразил дело «Воробей», от которого я узнал от первого о происшедшем.

К этому: Отдел науки дал критическое заключение на макет, но не разгромное. Оно рассылалось по секретарям до заседания, как это обычно делается. Но М.А. выступал не по этой записке, а по другой, которая была написана собственноручно Брежневым по информации его помощника Голикова.

У Отдела то науки был свой бизнес: приложить еще раз Б.Н.'а. Дело в том, что главным редактором пятого тома является Зайцев, состоящий консультантом в нашем Отделе, а в действительности уже лет 15 состоящий при Пономареве в качестве лейтенанта по историко-партийным делам, вроде бригадира по подготовке учебника по истории КПСС, других книжек под редакцией Пономарева и т. д. Трапезников уже давно к нему подбирается. А тут такой случай. Но удар оказался гораздо более тяжелым. Зайцев мне сегодня сказал, что «его песенка спета».

Симптоматично, что Б.Н. ничего не знал, т.е. не знал, на какой круг дело заворачивается. И на Секретариате не присутствовал, потому что был в Завидово с Брежневым, готовя Пленум и поездку Леонида Ильича в ФРГ.

Вывод пока только один: Трапезников плюс Голиков отлично сорентировались в проталкивании своей линии, во всю используя старческие слабости лидеров. Да, собственно, и крыть нечем. В самом деле, что плохого или неправильного было на XIX съезде? И как раз речь Сталина была очень интересная и проницательная…

Был у меня Тимофеев. Он всегда держится, будто людям больше и делать нечего, кроме как наслаждаться его интригантским трепом. Раздулся он до невероятия, того гляди лопнет кожа. В эпизоде с «Историей КПСС» он увидел только одно: возможность приложить Федосеева.

Записка об отношении с социал-демократией.

Записка о новой встрече братских партий по европейской безопасности (предложение Берлингуэра) по типу Карловых Вар.

Записка о встрече компартий по проблемам идеологической борьбы (против антисоветизма).

Записка о создании при Рыженко (ректор Ленинской школы) научно-исследовательского отдела по МКД, в помощь нашей группе консультантов.

<u>14 апреля 73 г.</u>

Доделки и переделки к речи Пономарева к предстоящему Пленуму.

Партийное собрание о проведении субботника. Вызывающее убожество нашего партсекретаря Паршина. Меня приводит в бешенство, когда я его вижу, а особенно, когда слышу (да еще с трибуны). И не то, что он таков сам: мало ли на свете кретинов, а то, что он «устраивает» Б.Н.'а, который его демонстрирует и рекомендует вот уже в третий раз на эту должность. Единственное разумное объяснение: зная, с кем отдел имеет дело в парткоме аппарата и в Секретариате, зная, что парторганизация отдела ЦК в условиях аппарата – это нуль без всяких палочек, и на работу, и положение главных дел никакого влияния не имеет, Б.Н. предпочитает иметь партидиота в роли прикрытия «интеллектуализма» и «свободы мысли», которые он допускает в своем хозяйстве, потому что без этого Отдел не сможет выполнять своих сложных функций.

Но, думаю, он заблуждается, думая, что Паршин хорошо выполняет эту свою роль. Скорее (причем, даже не по подлости, а по первородной, простодушной глупости и злобе на определенных лиц) он как раз «выносит из избы» то, что Б.Н. хотел бы прикрыть его идиотской физиономией и дремучим кретинизмом.

Был на премьере «Пушкина» на Таганке. Присутствовал член ПБ Полянский (один из «Пушкиных» – еврей Ванька Дыховичный его зять, муж его дочери. Прекрасный парень, может быть, и отличный актер, музыкант и прочие. Он ведет линию «Пушкин-гусар, прожигатель, охломон»).

Местами просто содрогаешься от реплик и целых сцен, которые пушкинскими словами бросают нахальный вызов нынешним порядкам. И это все прошло, несмотря на яростное сопротивление «культурных властей», ибо Любимов отлично освоил и ловко использует принцип «голого короля». Каждый более или менее соображающий человек, задав себе вопрос: какой общественный смысл вкладывал режиссер в эту постановку? Может ответить только одно – «большой кукиш в кармане, причем, то и дело вытаскиваемый оттуда наружу!"»Но публично этого никто не может или не хочет сказать, боясь выглядеть ретроградом или

идиотом. И все бурно хлопают: от представителей райкома до члена ПБ, не говоря уже о широкой публике, которая еще и ехидно хохочет. Формально все аплодируют мастерству режиссера и актеров… Оно действительно местами потрясает, хотя спектакль, как и все предыдущие, не без обычных любимовских пошлостей, ради которых он поступается вкусом, а, может быть, вкус ему здесь просто изменяет.

16 апреля 73 г.

Виделся с Пономаревым. Дал мне поручение писать резолюцию предстоящего Пленума. Дал черновой вариант доклада Брежнева. Не знаю, что останется в окончательном, но пока:

1. Не было бы Чехословакии, не было бы сейчас и Брандта, ни Никсона, ни разрядки, ни сотрудничества.
2. Доверие к Никсону. А про Брандта впервые сказано, что антифашист, эмигрант, бежавший из гитлеровской Германии и вернувшийся в погонах норвежского офицера. И такого человека немцы поставили над собой – это ли не психологический перелом?
3. Об Общем рынке впервые не как об «экономической базе НАТО», а даже чуть наоборот.
4. Экономическое сотрудничество с Западом и Японией – во главу всего «международного нашего угла».
5. Плохо с СЭВ'ом. Виноваты мы сами, наши ведомства (и возможности). Отсюда - пассивное сальдо в торговле с социалистическими странами, невыгодная структура экспорта туда и то, что оборот у них с Западом растет быстрее, чем внутрисэвовский товарооборот.
6. Однозначно положительно о Польше и (!) Венгрии. Так же – о Югославии: Политбюро, мол, всегда ее считал социалистической страной.
7. Китайцы (в связи с США, Европой, Японией) «проскальзывают», наконец, как главная опасность.
8. Впервые – что мы экономически заинтересованы в разоружении и что без материализации политической разрядки через разоружение (сокращение вооружений) не может быть настоящей мирной структуры международных отношений.
9. Похвалы в адрес американских и западногерманских бизнесменов (видно, работа Арбатова) и что их стремление нажиться – фактор, который надежнее любых политических обязательств. На него и надо де ориентироваться.
10. Утверждена идея новых «Карловых Вар» - конференция европейских КП по европейской безопасности и выдвинута идея нового всеобщего Совещания МКД – на неопределенное будущее.
11. Предстоящая поездка в ФРГ – как форма определения дружбы и сотрудничества с Западной Германией на «длительную перспективу», навсегда!
12. О ГДР'овцах сказано, что они еще не разобрались, что им делать в новой ситуации.
13. Румыны и корейцы – паршивые овцы.

Очень откровенный доклад.

29 апреля 73 г.

О Пленуме. Доклад действительно выдающийся в смысле признания реальностей и необходимости на деле на них ориентироваться. С этой точкой зрения переломного значения идеи: а) экономические связи наши и с нами обеспечивают прочность мира и мирного сосуществования; б) отказ от линии – внешнеэкономические связи – не довесок к экономике для затыкания дыр, а интегральная часть планирования всего народного хозяйства, в особенности долговременного; в) китайцы – действительно опасность №1.

Проблема «культа». Мы с ней столкнулись еще до Пленума, при подготовке резолюции и выступления Пономарева. На уровне замов долго рожали, включать или нет в резолюцию упоминание о «личном вкладе». Включили. Пономарев снял, и, кажется, получил одобрение (скорее молчаливое согласие) от Суслова. Последовал «окрик» от Александрова-Агентова, но – Загладину: в том смысле – «кто готовил?». Загладин, конечно, довел до Б.Н. Тот стал отруливать, но сдержанно. Без упоминания «о личном вкладе» проект держался до середины второго дня заседания Пленума. Потом в перерыв, на коротке Секретариат, по настоянию Кириленко, включил формулу, которая и появилась в опубликованном тексте. Для Б.Н. – чистый ущерб: он «раскрылся», а Суслов, его видимо подставил.

Вряд ли Б.Н.'ом двигали «идейные соображения», скорее он не сорентировался в расстановке главных сил и недооценил, куда неумолимо идет дело. Вот факты:

Подгорный, который выступал на Пленуме первым, трижды поднимал в овации присутствующих на тему о Брежневе. После него каждое, даже проходное, упоминание имени вызывало более или менее сильные аплодисменты.

Вечером этого дня Пономарев вызвал меня к себе. Сидел расстроенный и злой, перед ним проект его выступления и проект резолюции, какие-то листочки с каракулями (как я потом увидел) о значении Брежнева. Сверкнув на меня глазами, спросил: «Видели, что происходит?»… Я ответил, что не сомневался, что так и будет.

Смягчившись, он раздосадованно стал говорить: «Я не ожидал этого от Подгорного. Он всегда держался как … (и показал руками, обозначая дистанцирование). А теперь… Что происходит?!» И в этом роде.

Я обмолвился: «Может быть, вставить чего-нибудь о <u>его</u> умении связывать внутренние и внешние проблемы?» Б.Н. на меня воззрился: «Куда вставить? В резолюцию? Вы что? … (едва не добавив – с ума сошли) На весь мир?!»… Я говорю: «Да нет – в ваше выступление». Он: «Ну, это еще куда ни шло»… И вдруг как-то сразу завелся, вскочил и грохнул свою кожаную папку в край стола. Она проскользила и шлепнулась на пол. Вот тут у меня сверкнуло, что он озабочен не только своей личной ситуацией.

Видно, он почувствовал себя очень одиноким в своем упорном и тайном стремлении отстоять какую-то ниточку, оказавшуюся по ряду причин для него весьма прочной, протянувшуюся от XX съезда: глухой отзвук большевистской общественной нравственности.

Суслов выступал очень четко, с отточено ортодоксальными формулами, в которых тщательно взвешены были признание «нового подхода» к мировой политике и классовая бдительность, упор на усиление идеологической борьбы. О роли Генсека сказал сдержанно (не так разливанно, как Подгорный), но увесисто. Вообще, выглядел верным самому себе, своему реноме, сложившемуся в партии. По тому, как зал его слушал, можно было почти физически ощутить силу авторитета, которым он

пользуется: что-то в нем от прежней «тайны», окружавшей руководителей сталинской эпохи.

Пономарев еще почти за месяц до Пленума говорил нам, что его намечают провести «по-новому»: в разрыв с правилом, которое установилось после XXIII съезда. На Пленумах члены руководства, кроме Брежнева, не выступают, предполагалось, что на этот раз выступят многие члены ПБ и Секретариата. И вообще – будет де обсуждение, а не только «поддержка доклада». Но ничего этого не было. Кроме Подгорного, Суслова, Косыгина никто из «центра» слова не получил, хотя, не говоря уж о Пономареве, готовились (мне стало известно) Пельше, Кириленко…

За вычетом упомянутого, все пошло по обычному кругу: Ленинград, Свердловск (Урал!), республики по периметру и по кустам (Азербайджан от Закавказья, Киргизия от Средней Азии) от Прибалтики Снечкус, у которого на второй фразе сел голос и он говорил шепотом: никто ничего разобрать не мог даже через наушники, тем не менее он договорил и получил свои аплодисменты. Машеров громким, театрально поставленным голосом извергал поток пышных слов – совершенно бессодержательный пропагандистский треп. И его откровенно никто не слушал, как впрочем и многих других. Представители рабочих, крестьян, интеллигенции. В зале стоял во время таких выступлений шум, некоторые разговаривали прямо в голос, и председатель то и дело нажимал на звонок, призывая к порядку.

То есть – разыгрывался обычный спектакль, как и на публичных мероприятиях, прерываемый однако на отдельных деловых точках: Андропов, Громыко, Гречко, Патоличев, отчасти Щербицкий.

Кое-что из выступлений некоторых из них.

Андропов. Я обратил внимание: «единый фронт империалистов-антикоммунистов, левых и правых ревизионистов, маоистов и сионистов» – против нас. Широкое использование туризма для шпионажа против нас, вернее для «идеологических диверсий». И еще: активность сионистов направлена не на то, чтобы обеспечить полную свободу эмиграции нашим евреям, а для того, чтобы создать у нас «еврейский вопрос».

«Встречали» его тепло, особенно после отступления от текста, которое сделал в своем докладе Брежнев в адрес Андропова и КГБ: в том смысле, что это – огромная помощь Политбюро во внешней политике, что если обычно думают, что КГБ это значит только кого-то хватать и сажать, то глубоко ошибаются. КГБ – это прежде всего огромная и опасная загранработа. И надо обладать способностями и характером… Не каждый может… не продать, не предать, устоять перед соблазнами. Это вам не так, чтобы… с чистенькими ручками (и провел ладонью по ладони). Тут нужно большое мужество и большая преданность.

Все это было покрыто громом аплодисментов.

Громыко. Говорил много о яростном политическом сражении, которое вел Леонид Ильич во время встреч с Никсоном. О «могущественном ЦК», о котором пишет советологическая пресса. Отдельные фразы остались в памяти: «Прошлая Германия умерла, она рухнула под тяжестью своих преступлений». По поводу КНР: «Наша страна большая и богатая, но лишних земель у нас нет». «Наша страна никому не собирается уступать своего места в мире, которое она занимает по праву».

Поставил отметку Политбюро и Генсеку: «ведут дела хорошо и солидно».

Когда потом его избрали членом ПБ, я вспомнил, что во время его выступления сделал себе пометку в дневнике: «Выступает, как если бы был вторым лицом в партии и государстве».

Гречко. Бросилось в глаза, что наши оценки китайского ядерного потенциала много меньше, чем американские (в печати): несколько десятков ракет с радиусом в 2000 км., около 200 ядерных единиц. Шутил: «А у нас»... и, прервав себя, повернулся к президиуму: «Как ты (!) думаешь, Леонид, сказать, сколько у нас?» Брежнев из президиума: «Не надо, не пугай!»

Меня поразило и другое: он сказал – ихний потенциал ни в какое сравнение с нашим идти не может и по оценкам они не достигнут нашего нынешнего и через 15-20 лет. Ладно. Но через 15-20 лет, пусть не достигнут, но приблизятся. А ведь нашего теперешнего потенциала достаточно, чтобы несколько раз разрушить все жизненные центры нашей страны. Что дальше?

Патоличев хорош был тем, что ораторствовал без бумажки, чувствовалась старая партийная школа – массовика 30-40-ых годов (он ведь был тогда секретарем обкома), словом – личность. Однако, хорошо начав, в духе доклада о значении внешнеэкономических связей и о нашей беспомощности и аляповатости в общении с крупным бизнесом, кончал он мелковато – все с намеками в адрес Байбакова (Госплан), который презрительно морщился (я сидел почти рядом с ним): он то хорошо знал (и знал, что Патоличев тоже об этом знает), где безрукость и неумелость кадров, а где объективный тришкин кафтан, т.е. где Патоличев бил ниже пояса и все это видели.

Любопытно было выступление Косыгина: совершенно технократическая и довольно откровенная в этом смысле речь, с цифрами и т.п. Фразы: «Нельзя развивать НТР в отрыве от других стран»; «нужна новая концепция кооперации с другими странами»; «надо уметь взглянуть на эти вещи по-новому. От этого зависит наше будущее».

Факты: 2/3 наших кредитов идет на Кубу, во Вьетнам, в Монголию; 25% стоимости экспорта составляет оружие и оборудование в развивающиеся страны; 2/3 наших экономических связей приходится на соц.страны.

И ни слова восторга по поводу роли Генсека. Он был единственный в этом стиле из выступающих.

Наконец, еще один момент в связи с Пленумом. Во время последнего перерыва участникам Пленума был роздан проект резолюции. Сидят сзади меня двое: Стукалин (председатель комитета по печати) и Хренников. Первый говорит: «Посмотрите, всего три с половиной страницы, а вся суть доклада трех с половиной часового, здесь умещена и довольно точно». Хренников поддакивает: «Удивительно!» Стукалин: «Какое мастерство, а?!» Подслушать это было приятно: резолюцию писал я. Разумеется, я мог ее написать только так, и никак иначе. Так как никакого значения в смысле влияния на политику этот мой «труд» не имел (хотя допустимо, что при другом исполнении что-то могло быть упущено или какой-нибудь стилевой нюанс не так акцентировал бы что либо). Тем не менее странно мне было после этого «диалога» не знающих меня людей, оглядывать зал, где подавляющее большинство сидевших абсолютно никакого касательства к политическому содержанию Пленума не имело.

Провел совещание по первому тому многотомника «Международное рабочее движение». Состав людей сильный. Может получится интересно. Пора начинать писать введение (автор – Пономарев!).

Состоялось еще одно решение Секретариата по Y тому «Истории КПСС». Снят Зайцев. Его, видно, будут удалять из аппарата. Федосеев утвержден главным редактором всего издания: вышел сухим из воды и даже с повышением, хотя вместе с Поспеловым подписал макет, сопроводив его «положительным отзывом» в ЦК. Поспелов переведен в рядовые члены главной редакции. Во главе Y и YI томов, т.е.

всего периода с1946 до 1964 годов поставлены люди Трапезникова. Сам он введен в главную редакцию.

Моя тайная (рукописная) записка Б.Н.'у в Завидово накануне этого решения, где я со слов Тимофеева, Волобуева и др. излагал ему свои соображения по складывающейся в этой связи ситуации в отношении его самого. Он звонил мне после этого по ВЧ. Очень расстроенный и в общем беспомощный.

Дело все ведь началось с того, что Трапезников вместе с Голиковым что-то подсунули Брежневу насчет этого несчастного тома. Он поднял вопрос на ПБ: в смысле, почему чернят XIX съезд и вообще работу партии в тот трудный период? Секретариату поручено было разобраться. И складывается у многих впечатление, что Суслов, воспользовавшись этим, аккуратно «приложил» Пономарева, как идеолога, во всяком случае отсек все его претензии выступать в роли идеолога на внутреннем фронте с помощью этого его хобби – Истории КПСС.

Перед Пленумом, на котором намечались столь небывалые с 1957 года кадровые перемены, эта операция была «весьма кстати».

<u>5 мая 73 г.</u>

Пономарев уже адаптировался. Куча текущих дел накопилась у меня к нему (наверно, и у других замов), но об этом всем разговаривать некогда. Он озадачен суетой вокруг подготовки визита Брежнева в ФРГ, хотя ему прямых поручений на этот счет нет. А вчера позвал меня с Шапошниковым и велел срочно готовить: а) благодарность Брежнева для печати в ответ на вселенский поток поздравлений в связи с присуждением Ленинской премии мира; б) ответную речь Брежнева при вручении премии.

По этому случаю сидели до 11 вечера, а сегодня (суббота) – рабочий день. Впрочем, не в этом дело, выходных и так до разврата много, все майские праздники и день Победы. Дело в том, что дела не делаются, в том числе и те, которые прямо вытекают из Пленума, для нас, для международного отдела конкретно!

<u>6 мая 73 г.</u>

Был с утра на даче. Немножко поиграл в теннис. Смотрел фильм по М.Булгакову – «Иван Грозный». Смешной и местами злой.

Вчера прошлись с Искрой от пл. Ногина до метро «Динамо». Обо всем поговорили. Все стало яснее и легче. Она – мудрая и очень добра ко мне. Она поразительно все видит.

Забегал Брутенц, рассказал со слов Гаврилова (помощник Демичева) следующее: Яковлева сняли по прямому указанию Брежнева, который после Секретариата, где постановили не снимать (за статью), вызвал к себе «химика»[5] и жучил его в течение часа. Тот пришел красно-белый и весь день потом никого к себе не пускал. На другой день подготовил «выписку» о назначении Яковлева послом в Канаду. Гаврилов комментирует это так: Демичева этим делом специально подставили – чтоб своими руками снял. Причина, по словам Гаврилова, - в нежелании Яковлева понять, что от него хотели, а хотели от него «концентрации пропаганды на одном лице». Его де пытались «приручать», «обласкивать», а он, якобы при молчаливой поддержке «химика» (очень это сомнительно!) делал вид, что

[5] *Так с подачи Любимова величали в Москве Демичева, имея в виду его лживость и интриганство («химичить»), но одновременно это прозвище было насмешкой над тем, что идеологией руководит инженер-химик, каковым он был по вузовой специальности.*

не понимает. На него жаловался Замятин, что, мол, «зажимает», т.е. не дает развернуть славасловие. То же самое делал не раз Удальцов (АПН). (А я то их чуть ли не каждое воскресенье в Успенке в обнимку видел с Яковлевым!) Демичев, по словам Гаврилова, в изоляции. Он – нуль для всех остальных в руководстве. Характерно, что в течение полутора лет не утверждают ни одно из его представлений на более или менее ответственные посты в идеологическом аппарате. Это де верный признак, что ему «осталось недолго».

Гаврилов рассказывал также, что сейчас к ним (с Демичевым, надо понимать) ежедневно поступают со всех концов жалобы на печать: более или менее серьезная критика сразу же вызывает протест соответствующих ведомств, которые тут же вносят свои предложения: снять редактора, объявить выговор, дать в «Правде» опровержение и т. п. Мы, говорит, отбиваемся, как можем. Но жалобщики работают «в струе»: понимают, что в конце концов найдут поддержку, потому что на самом верху «хотят, чтоб все всюду выглядело хорошо и в порядке».

Много в этой картине явно неправдоподобного, продиктованного озлобленностью человека, который почувствовал, что из-под него уходит почва. А между тем, уже лет 20 как он считал себя представителем пожизненно господствующего клана, и держал себя как хам и сволочь, которому все позволено. Демичев в роли борца за демократию… - довольно фантастическая ситуация, чтоб ее с ходу принять. Что-то, видимо, еще стоит за этими «дворцовыми» делами.

Интересно, есть ли связь между Y томом «Истории КПСС», делом Яковлева, положением «химика», историей с наказанием за пьянку Загладина и Шапошникова, атмосферой Пленума?

9 мая 73 г.

День Победы сегодня. Виделись, как всегда с Колькой Варламовым. Походили по улицам, навесив планки. Посидели, выпили водки. О войне не говорили. Говорили о текущем. О повседневной суете нашей: он в Общем отделе, я в своем. Он вспомнил, как чуть было не сшиб с ног Сталина, столкнувшись на лестнице в Кремле (он работал тогда в особом секторе). Я поддакнул, как чуть было на днях не сбил с ног Суслова, возвращаясь утром через 1-ый подъезд с тенниса. Разница!

Старые становимся. Правда, я вижу это больше на других. В себе старость не чувствую и не очень-то она на мне видна. Тем не менее – 28 лет уже только после войны…

Вчера перед концом рабочего дня очередная «интимная» сцена у Пономарева. Советовался со мной, как ему отказаться от редакторства 12-томной «Истории КПСС». Я ему говорю: «10 томов вышло. Там вы значитесь. И как «общественность» поймет отсутствие вас в 11 и 12 томах? Однозначно, как отстранение в связи с историей 5 тома». Он отложил дальнейший разговор.

Вообще, говорит: «Стараешься, стараешься – и многотомники, и статьи, и делегации, и бумаги, и ему (?) материалы готовишь… А потом найдут какую-нибудь у тебя фразу и все летит к ебене матери…».

Неожиданно перешел на другую, но ассоциативно вполне уместную, тему: «Возьмите нашего премьера… Ведь ходил с петлей на шее. В конце 40-ых мы были близки домами. И жену я его хорошо знал и дочку, нынешнюю жену Гвишиани, еще маленькой знал. Сам я работал тогда в особом секторе при Политбюро… Он сам мне говорил, как, будучи кандидатом в члены ПБ, из рассылки материалов допроса Кузнецова и Попкова (ленинградское дело) узнал, что он, оказывается, вместе с

ними планировал передачу Ленинграда Финляндии и т.п. Сказал мне, тогда помню: «Осталось мне несколько дней».

Вскоре после этого часа в два ночи позвонил мне Поскребышев:

- Ты материалы ПБ всем рассылаешь?
- Да, как всегда.
- Косыгину не посылай!..
- Почему?
- Не твое дело. Сказано – не посылай.

Я тогда, говорит Б.Н., убежден был, что его возьмут вот-вот. Тем более, что вместо двенадцати охранников, как обычно, ему их увеличили до сорока пяти.

Однако, как-то пронесло… А теперь? Ведь к месту и не к месту то и дело вспоминает Сталина: «Сталин сказал так-то», «Сталин велел делать так-то»… «Сталин решил бы этот вопрос так-то» и т.д. и т.п. Вчера принимали Асада (президент Сирии), так он даже и здесь сумел вставить о Сталине. Бюст на Красной площади – это его работа. Да еще Шелепина. Брежнев сдержанно относился к этой идее, не торопился. Но Косыгин добился, настоял. Что происходит? – Не пойму».

И перешел к своей статье в энциклопедии о Коминтерне. Написал ее я лет 7 назад для исторической энциклопедии. С тех пор она раза три перепечатывалась. Сейчас должна была идти во 2-ое издание БСЭ. Но Ковалев – главный редактор – как только пронюхал о решении Секретариата по Y тому «Истории КПСС», сразу прислал поправочку к абзацу о культе личности, приведшему к ликвидации некоторых партий в 1938 году и многих видных деятелей Коминтерна.

В общественной жизни «прорвало». После Пленума и упоминания в резолюции о «личном вкладе» идеологическая атмосфера быстро заполняется Генеральным: речь с мавзолея 1 мая, речь в Варшаве при вручении ордена Ленина Гереку, телевизор: отъезд – проводы – встречи, отъезд в ГДР, там опять будут речи, потом будет вручение «Ленинской премии мира», потом ФРГ, потом США… И все речи и речи, по несколько раз передаваемые радио и телевидением. Никто не чувствует «обратной» реакции простого человека, массы, не говоря уже об «интеллихенции».

И это при всем том, что его заслуга в деле мира – безусловна а, значит, и в общем повороте мирового развития – к действительному сосуществованию, т.е. к совсем новой эпохе, в корне отличной от той, которая была прямым наследием Октября и Войны.

Карякин зовет к Неизвестному. А мне не хочется. Наверное, потому что весь разговор уйдет в обсуждение казуса с государственной премией за Зеленоград. И что я скажу?!

Последние дни, несмотря на большую «текучку», много занимаюсь многотомником по рабочему движению. Встречаюсь с авторами томов. Могло бы быть все это очень интересно. Но требуется: а) время; б) отсутствие Трапезникова, чтоб действительно вышло нечто новое и приличное.

15 мая 73 г.

Б.Н. собрал замов. Сообщил, что Брежнев на аэродроме (из Берлина) сказал: Герек и Хоннекер считают: не нужно второй Карловарской конференции, лучше сразу – большое Совещание – против китайцев. Никто из присутствовавших (члены ПБ, секретари), естественно, не возражал. Наоборот, хвалили Совещание 1969 года. Однако, это совершенно неквалифицированно: на открыто антикитайское совещание никто не пойдет, кроме уже совершенно карманных партий; откровенно

противоимпериалистическое совещание будет выглядеть совершенной нелепостью в свете нашей внешней политики; отказ от европейской конференции (по типу Карловых Вар) будет означать, что мы Европу будем делать без компартий и открыто им заявляем об этом. Мало того, идея «Каловых Вар» высказана Берлингуэром в беседе с Брежневым. И latter ее в общем одобрил. Под это итальянцы уже развернули работу. Если мы теперь делаем вольт, они организуют сепаратную конференцию КП Западной Европы, тем более, что и они, и, особенно, французы с большим подозрением наблюдают за нашей «мировой политикой», по поводу которой мы даже не считаем нужным советоваться с комдвижением. Они – коммунисты Запада – все больше задумываются (статья Канапы в «Юманите» по поводу идеи Никсона-Киссинжера о новой Атлантической хартии): не определиться ли им самим промежду или сбоку от большой игры «двух великих»?!

Правильный подход только один: европейская конференция.

А китайцы?.. Коммунистов на Западе они мало волнуют. Все больше они исходят из того, что это межгосударственная драка. О ее мировом значении они не то что не задумываются, просто им не до этого.

Зайцев оказался благородным. А выглядел простаком. Спокойно хочет уйти: «пусть, мол, история рассудит, а Вы, Борис Николаевич, не впутывайте себя в это дело, никому от этого пользы не будет». Б.Н. мечется, боится, что его осудят за непринятие организационных мер против Зайцева: мол, пренебрег и мнением Генерального, и решением Секретариата. А с другой стороны, совесть не позволяет так легко разделаться с Зайцевым. Да и «общественность» может это воспринять, как очередной щелчок самому Пономареву. На всем этом фоне благородство Зайцева его очень раздражает и смущает.

Все со мной советуется, а советов не слушает: просто ему уже по «интимным делам» и разговаривать-то не с кем!

<u>16 мая 73 г.</u>

Записка о подготовке нового международного Совещания компартий. Написал я. Обсуждали у Кускова среди замов. Кусков либо действительно маразмирует, либо хитрит: почти уже невозможно понимать его нечленораздельную речь, можно только чувствовать злобу или недовольство в бессвязно бросаемых словах.

Некий ленинградский писатель Масалов написал документальную книжку о партизанах Гдовщины «Кремень высекает огонь». Сегодня вечером я прочитал ее. Там есть и о нашем Зайцеве, который, оказывается, был комиссаром отряда, сам из тех мест. (Отец его – тоже партизан – был повешен фашистами). И вот этого Зайцева теперь измордовали два урода – морально и физически – Трапезников, заведующий отделом науки ЦК и Голиков, помощник Генерального секретаря, с помощью Политбюро и Секретариата. Они выглядят лучшими патриотами и коммунистами, чем Зайцев, хотя будучи один колченогим, другой косоруким от природы, войны, естественно, не знали. Когда думаешь об этих двух подонках, этой сволочи в самом прямом смысле слова, хочется подстеречь их где-нибудь и бить морду, пока не устанет рука.

<u>19 мая 73 г.</u>

Брежнев в ФРГ. Телевизор работает на полную мощность. Да, это, безусловно, символ новой эпохи, причем не в затрепанно-пропагандистском смысле

этого слова, а по-настоящему. Но увы, это, к сожалению, по-настоящему понимают (а еще меньше – принимают!) очень немногие в нашей партии, особенно же те, кто работает в многомиллионном идеологическом ее аппарате, который на 90% пропитан духом трапезнико-голиковщины.

Джон Голлан. 17-18 мая проездом во Вьетнам. Вечером я его встречал. Утром в 5 часов провожал дальше. Вечер на Плотниковом. Как говорится, «кроме вреда – никакой пользы». Раздражение, что его встречают на моем уровне, в то время, как «в Румынии его встречает Чаушеску, в Венгрии – Кадар, в Югославии – Тито» и т.п. (Это его собственные слова! Он из таких!). Раздражение, что никак не отреагировали на его предложение встретиться с Брежневым: либо на пути во Вьетнам, либо на обратном пути. Я был весь скован от этого его настроя, особенно после того, как все мои попытки вывести его на какой-нибудь политический разговор, встречены были презрительным молчанием: не на том, мол, уровне он готов такие разговоры вести.

20 мая 73 г.

Арбатов награжден Орденом Трудового: «За заслуги в развитии советской науки(!) и в связи с пятидесятилетием». И это (в отличие, что бывало у нашего брата) напечатано во всех газетах. Через Шишлина (якобы потому, что он сам в больнице до вчерашнего дня, - надорвался при переезде в начале мая на новую квартиру, в Староконюшенный) пригласил меня на раут, но solo (мол, народу будет очень много, не поместятся). Я сразу решил, что без жены не пойду. Это вообще свинство, да и не хотел, чтоб она на всю жизнь на него обиделась. Сочинил очень понятную ему в свете Пленума телеграмму. На том и хватит.

22 мая 73 г.

Брежнев возвратился в Москву. Все прошло как и следовало ожидать. Это и символ и начало новой эпохи, к которой наше общество и (наш аппарат) не готовы: ни экономически, ни особенно культурно-идеологически. Обычно бывает наоборот на крутых переломах истории.

А уже во всю готовится визит в США. Наш отдел занят речью Генсека по американскому телевидению. Брутенц-Жилин написали красивый текст. Но уже на уровне Кускова началась «борьба», в какой степени дозировать идеологическое первородство, чтоб «не обидеть», не помешать главному – сотрудничеству.

Проблема информирования братских партий о Пленуме. Кусков долго и бестолково суетился, измучил консультантов. А Пономарев (с моей помощью) хочет все это нокаутировать, хотя уже есть решение Секретариата (впрочем, принятое без ведома Пономарева). В самом деле, нелепо сообщать в конфиденциальном порядке то, о чем месяц говорит весь мир. А то, что действительно «для внутреннего потребления», не следует «доводить» до компартий (и чтоб не просочилось куда не надо, и чтоб не шокировать их действительными мотивами нашей политики: они не готовы к этому, а многие и не хотят такой нашей политики, потому что им, в случае ее полного успеха, не останется места в историческом процессе).

Заходил Арбатов. Гэбэшные страхи. В ужасе от того, что Бовин у него на дне рождения рассказывал по углам анекдоты про Брежнева. В «его новом доме»! Ругал Бовина, который не умеет распорядиться своими великолепными мозгами. Рассказал кое-что неизвестное из «истории его падения». Помимо того, что Бовин ходил к Хноупеку (послу ЧССР) и по пьяной лавочке всякое ему говорил, а тот

незамедлительно сообщал куда надо, - имел место такой эпизод: в декабре 1971 года, к концу очередного сидения в Завидово Бовин, воспользовавшись отъездом хозяина на охоту, надрался до безобразия, «шумел и лапал девок», «говорил непотребное и про самого в присутствии Андрюхи и Загладина». Брежнев его застал в совершенно свинском состоянии и, видимо, (полагает Арбатов) тогда уже твердо решил «убрать от себя».

Уже «после изгнания» Бовина Андропов внезапно пригласил к себе Арбатова. Говорил о Бовине, будто бы хотел «помочь», вступился за него вместе с Цукановым. Но «посмотри, что он выделывает». И показал фотокопию письма. Бовин писал «из творческого курорта», с Юга своей Авочке[6]. «До востребования…, а к таким письмам, ты знаешь, отношение подозрительное». Писал о том, какая серость, глупость и невежество его Бовина окружают, как тяжело работать и жить»… в этом духе. И хотя ИМЯ не было названо, но Андропов считал, что главным образом речь шла о Генсеке. «Я (Арбатов) пытался уверить Ю.В., что Сашка имел в виду Русакова (зав. отделом), максимум Катушева… Не знаю уж, носил ли он это письмо Самому или нет, тем более, что Бовина в ЦК уже не было».

Рассказал Андропов Арбатову и о том, что он вызывал к себе Делюсина. Встретил его словами: «Как хочешь понимай: пригласил я тебя к бывшей знакомой – вместе работали в отделе ЦК, или»… Ясно, считает Арбатов, – это «профилактика». Ю.В. поставил в упрек Делюсину связь с Любимовым и «всякие разговоры» с ним и, особенно, с Можаевым, «который бегает к Солженицыну». «Вел он себя (слова Ю.В.) плохо. Ото всего отпирался» и т. д. «Предупреди и ты его», посоветовал он Арбатову.

*Мне почему-то показалось, когда Юрка рассказывал про фотокопию письма Бовина, что «дело Авочки» в КПК появилось в этой связи, хотя клеили ей формально: «не сработалась с коллективом, злоупотребляла служебной машиной, превышала полномочия» – в обществе «Знание», в лектории она работала.*

Обругал он и Любимова за то, что он не отплатил за доверие, которое ему оказал Генсек. Продолжал «свои штучки». А теперь (Hear! Hear!) выбрал в покровители Полянского. «Что-нибудь уж одно», - многозначительно заключил премудрый Арбатов.

Сегодня заходила Искра. Завтра она уезжает с мужем на Кавказ. Передал ей подарок для дочки. У Искры по-прежнему поразительно красивое лицо. И вся она умная и глубокая. Но возраст уже испортил тело навсегда, потеряна форма и стать: пожилая дама.

26 мая 73 г.

Мне исполнилось 52 года. Престарелым я себя не чувствую никогда и ни в чем. Есть, что называется, «усталость души».

Вчера мне Пономарев дал тот злополучный макет Y тома «Истории КПСС», за который сняли Зайцева. То, в чем его обвинили – чистый навет, фальсификация. Все что нужно (в смысле работы партии по восстановлению хозяйства и прочие) там есть. Значит, близстоящий к высшей власти подонок может подсунуть чистую подделку (для ради своих темных делишек), это становится основанием для решения ЦК, и даже секретарь ЦК (Пономарев) беесилен опровергнуть явную и наглую клевету. Более того – считает нарушением правил игры саму попытку придти и сказать, что это был подлый поклеп.

---

[6] *Жена профессора В.Т. Логинова, впоследствии друга Черняева, сотрудника Горбачев-фонда.*

2 июня 73 г.

Читал внешнеполитическую программу лейбористской партии (добыли еще неопубликованный проект). Завтра приезжает большая их делегация (председатель лейбористской партии, генеральный секретарь), хотят устанавливать «хорошие отношения» с КПСС!

Б.Н. собирается отделаться пошлыми формальностями. Если так и будет, мы теряем шанс. Впрочем, политику у нас такие, как Б.Н., не делают. Но хоть бы осмелился подыгрывать настоящей политике, а не держался за социал-демократическую фобию из страха перед Трапезниковым и К$^{o}$.

28-го Высоцкий + Марина Влади (прелесть!). Он пел новое. Становится более открыто – философски. Иван Дыховичный (зять Полянского), мировой парень со своими современными гусарскими балладами. Саша Митта и его Лиличка. Изумруд.

Теннис на Петровке. Кругом юность и здоровые тела, уверенная в себе и спокойная жизнь в спорте.

Беспомощность Матковского и всего сектора при подготовке материалов к лейбористской делегации. Убожество в самом подходе к делу и неспособность даже быть простым исполнителем. Это – позапрошлый день Международного отдела ЦК. И если мы не примем мер (а у нас почти все сектора на таком уровне, с огромным разрывом от консультантской группы), нас очень скоро вытеснит из нашей собственной сферы МИД. Он уже взялся за наши дела: информация компартиям по советско-китайским отношениям, впервые без трепа, по настоящему дельная и впервые подготовлена не нами, а МИД"ом. Даже приложил и список партий, которым посылать. Правда, пока еще «прислушался» к нашей корректировке.

Упиваюсь сборником «Достоевский об искусстве». Какая мощь и как мало известен он нам был в целом!

6 июня 73 г.

Приехала лейбористская делегация. Семь человек: председатель партии, генеральный секретарь, зам. лидера Шорт, одна женщина – рыжая, крупная, с очень красивым правильным и надменным лицом, говорят, содержит на свои средства детский сад, воспитывает четырех приемных сирот, не замужем, хотя ей всего 35 лет.

Принимали их в Шереметьево, а потом ужинали в «Советской». И сразу вторглась циничная политика. «Мы приехали как политическая партия, которая хочет быть у власти. Если, вы, КПСС, хотите в Англии лейбористского правительства, помогите нам. А для этого нас должен принять Брежнев и Громыко. Пусть на 5 минут. Нам важно только, что мы их видели и можем сообщить прессе. Дискуссии, конечно, хорошо. Мы готовы даже выслушать ваши замечания по нашей новой внешнеполитической программе. Но главное – поддержка престижа лейбористов с вашей стороны. В Лондонском аэропорту нас провожали десятки корреспондентов, они злорадно ждут нашего возвращения. И если вы не пойдете нам навстречу, вся Англия будет неделю смеяться над нами. И на ближайших парламентских выборах мы наверняка провалимся. Ваш Косыгин недавно в течение 3-х часов принимал Уокера (консерватор, министр промышленности), а тут перед вами по крайней мере 6 завтрашних Уокеров и один возможный зам. премьера (Шорт)». И т.д. в таком духе.

Я понимал, что на Пономарева это не произведет впечатления: для него лейбористы это даже не просто идеологическая, а лично-идеологическая проблема, т.е. как бы трапезниковцы не обвинили его еще раз в попустительстве ревизионизму. В силу этого, а также интеллектуально-образовательной заскорузлости, где-то искреннего убеждения, что «все они – предатели рабочего класса», он не в состоянии «делать политику» (а уж с социал-демократами полностью и наверняка). И выглядит очень глупо (даже передо мной), как человек, который хотел бы от социал-демократов только одного, чтобы они думали по «марксистско-ленински» (в его понимании) и озабочены были бы только аплодисментами по поводу каждого шага КПСС внутри и вне. Слушать его разглагольствования на эту тему (в том числе и в связи с приездом этой лейбористской делегации) просто стыдно.

Так вот. Я понимал, что надо что-то делать в обход Пономарева, иначе мы либо полностью теряем политический шанс, либо даже наживаем врагов. Тогда уж лучше было вообще не приглашать… и не затевать всего этого. Впрочем, и на это-то Б.Н. пошел очень неохотно, под большим моим нажимом.

Я предложил Иноземцеву позвонить прямо Громыке (он с ним лично знаком). Н.Н. согласился. Мы поехали на Плотников к вертушке и он это проделал, впрочем безуспешно (тот был уже дома). Но наутро – преуспел. Позвонил мне, говорит: «Громыко считает все правильным с нашей стороны, сам готов их принимать, только пусть Международный отдел внесет в ЦК формальное на этот счет поручение. Посоветовал Иноземцеву настоять в Международном отделе, чтоб записка была «в истеричном тоне, чтоб дошло»… И надо, мол, обязательно настаивать на приеме у Брежнева.

A propos: вот принципиальная разница между современным политиком и идеологом на политике (Пономаревым). Громыко сразу ухватил главное: если самая крупная социал-демократическая партия одной из самых крупных стран приезжает в Москву и чуть ли не умоляет помочь ей придти к власти, причем обращается за этим к «большевикам», которых она столько десятилетий третировала, - то это шанс. Мы ничего не теряем, а приобрести можем.

Вдохновленный, я явился к Пономареву (он не хотел даже принимать меня так рано, ему надо было какую-то бумажку редактировать, но я настоял).

- Что там у вас?!

Я с большим нажимом передал заявки делегации. Добавил от себя. Изложил все очевидные политические дивиденды для нас и проч.

- Анатолий Сергеевич! Не поддавайтесь, не будьте наивным. Они вот сладкие речи говорят, а приедут домой опять будут плохие вещи о КПСС говорить. Я знаю их. Многих лично. Вот этот Хили»… И начал мне рассказывать, как они с Сусловым лет 20 или 15 назад ездили в Англию, были в Транспорт-Хаузе, обо всем тоже хорошо говорили, а потом, мол, что было? «Так-то вот. Еще чего захотели, Брежнева им подавай!»
- Вы, Анатолий Сергеевич, не поддавайтесь иллюзиям, они только свои интересы преследуют.
- Я в этом никогда не сомневался. А вы, Б.Н., хотели бы, чтобы они сюда приехали ради наших интересов?

Он озлился, даже покраснел.

- Нет, нет, Анатолий Сергеевич. Вот как договаривались: согласны, чтоб я их здесь принял – пожалуйста. А не согласны – извините!
- А вот Громыко согласен с ними встречаться и считает, что к Брежневу их не вредно сводить, - пустил я вход туза.
- Откуда Громыко знает?

- Иноземцев ему рассказал.
- Неправильно это. Не надо этого было делать. И вообще вы с Иноземцевым превышаете свою компетенцию… Впрочем, конечно, мы не можем скрывать их требований. Ладно, пишите записку и проект постановления Политбюро.

Я написал. С большим нажимом, даже с цитатами из Хейворда (генсека). Б.Н. всю эту «лирику» вычеркнул, как и предложение о приеме у Брежнева. Осталось: прием у Громыко.

Прием Сусловым, Пономаревым, Иноземцевым и Черняевым в ЦК КПСС.

Это и прошло. Проект превратился в решение за несколько часов. Б.Н. сегодня утром велел мне «торжественно» объявить им об этом, в официальной обстановке. Я поехал к концу их беседы в Комитет по науке и технике и там, в кабинете Кириллина объявил им: мол, Политбюро обсудило, поручило, Суслов – второе лицо в партии и т. д. Они приняли вежливо. Явно понравилось им, что будет Громыко. К встрече Суслов-Пономарев отнеслись холодно. А Хейворд все-таки сделал заявление: он, мол, по-прежнему глубоко разочарован, что не будет встречи с Брежневым.

Однако, этим дело не кончилось. Б.Н. напутствуя меня, сказал, что принять их в ЦК до понедельника будет невозможно (а у них билеты на самолет на утро в понедельник!), пусть де отложат отъезд. Я очень вежливо это им предложил. Почти все сделали гримасы. Симпсон (член делегации) сказал, что они обсудят и потом дадут ответ.

После обеда их принимал Громыко. Иноземцев, который там был, передавал, что делегация была очарована прямотой и откровенностью, действительно политическим подходом к делу.

Вечером я сказал об этом Пономареву. Сделал это сознательно. Он скривился. Я добавил, что ответа насчет понедельника они еще не дали, но из разговоров с сопровождающими становится ясным, что ответ скорее всего будет отрицательным: они уедут.

Б.Н. обозвал подготовленный материал для Суслова «стенгазетой». Сказал, - подождем до завтра. Если не согласятся, тогда сдадите все эти ваши бумажки в архив. Я повернулся и вышел.

В такой стадии и находится сейчас эта большая политика Пономарева.

Кстати, в «pendent»: вопрос о политике КПСС в отношении социал-демократии, запланированный для обсуждения на Секретариате ЦК, он неделю назад велел «свести» к предложению об информации братским партиям «о работе КПСС с социал-демократическими партиями». Срабатывает тот же комплекс страха перед Трапезниковым и заскорузлость политического мышления.

Шифровка о беседе Венера С Фалиным перед отъездом Венера в Берлин для встречи со своим старым товарищем по антифашистскому подполью З.Хоннекером, который теперь, видимо, считает, что «я, Венер, на каком-то этапе спасовал»…

<u>9 июня 73 г.</u>

Лейбористская эпопея продолжается. Они согласились остаться до понедельника. Мы же (с сектором, консультантами, Иноземцевым) №№-ое количество раз переписывали всякие памятки для Суслова: что ему сказать при встрече. Пономарев, как всегда в таких случаях, не знает, что может быть хорошо, а что плохо. Поэтому он на другой день хвалит то, что в предыдущий обозвал «стенгазетой». Придирается к мелочам и ничего не читает всерьез из того, что ему

предлагают (для Суслова тоже). Слушать ему тоже некогда: он занят выжиманием сока из Брутенца и Соколова то для телевизионного выступления Брежнева в США, то для его беседы с «деловыми людьми». Страшно суетится.

Мне он объявил, что «вы, мол, никогда лейбористами не занимались» (я счел ниже своего достоинства сообщить ему, что студенты до сих пор учатся по учебникам, в которых главы об Англии и ее рабочем движении написаны мной, и что я спецкурсы читал о лейбористах. Это с его стороны было иносказанием: что, мол, я ничего не понимаю в предмете с лейбористами… И пошел ругать Матковского… (Впрочем, отчасти поделом!) Я вступился: «У нас нет позиции и мы до их приезда не представляли себе, что затеяли серьезное дело. И оказались к нему не готовы. Матковский сектор ничего не мог и не может в этом изменить. Нужно политическое решение, политический подход, нужна позиция, и не Матковскому ее определять. И я тоже этого не могу. А у вас нет времени».

- У меня есть позиция, - объявил он. Однако раскрыть мне ее не захотел, отговорившись занятостью!

А при обсуждении проекта коммюнике на меня вновь густо пахнуло главное, что его заботит: боязнь замараться об социал-демократизм. Почему состав их делегации поставили впереди нашей? (Хотя всегда так делалось при подобных случаях!) Почему нет о том, что мы на разных идеологических позициях? (Хотя ясно, что если мы им предложили это в проекте, он, обрадовавшись нашей готовности обсуждать идеологические вопросы, всю беседу в ЦК сведут к Чехословакии!).

Горько мне: судьба связала меня с мелким человеком в большом кресле. Впрочем, он – не худший, да и трудно мне себя представить в аналогичном положении при ком-нибудь другом. Тут хоть говорить можно откровенно, хотя для дела это ничего, конечно, не значит.

10 июня 73 г.

Страшная катастрофа в прошлое воскресенье (3 июня) в Ле Бурже с Ту-144. Самопожертвование + возможно, диверсия + что-то, наверное, и от нашего российского бардака.

Великий Достоевский: упиваюсь сборником об искусстве. Он как человек впервые выглядит для меня совсем другим, нежели из его собственных романов, из прочитанного о нем и даже из того, что узнал от Карякина. Это наш Токвиль, т.е., следовательно, и в 10 раз мощнее Токвиля.

В истекший год как-то особенно отчетливо вырисовывалось, что альтернативы нет: я буду в Международном отделе, пока не уволят. Партийный чиновник, который почти ничего не может. Ибо сфера приложения сил - бесперспективная, умирающая или перерождающаяся: коммунистическое движение. А у пульта регулирования отношений с ним стоят люди, вроде Б.Н. и Суслова, которые заскорузли в понятиях эпохи «Краткого курса» и не дадут ему естественно развиваться во что-то конструктивное, по-новому революционное и вместе с тем связанное с нами. Либо, если дело круто пойдет, например, в Западной Европе, эти люди объективно будут причиной разрыва нашего (вернее его с нами) с комдвижением, в лучшем случае – полного выхолащивания реального содержания связи с ними. К этому последнему мы подошли уже очень близко.

16 июня 73 г.

В понедельник состоялся прием лейбористов в зале Секретариата. Суслов, Пономарев, Иноземцев, я, Матковский. Суслов оказался смелее, чем я ожидал. Принял их «вызов» (от ЦК и от Брежнева) на хорошие отношения. На них встреча произвела впечатление и потому, что они не ожидали, что наш «партийный уровень» – это кое-что! Да еще в здании ЦК. А потом Суслов их завел в (пустующий) кабинет Брежнева!

Накануне, в воскресенье, после футбола Англия-СССР ужин в «Советской». Тосты, которые размягчают почву для нужной политики. Мой тост. Тост Джоан Лестер. Она была в белом со шлейфом платье. Напилась.

Кусков мне вчера рассказывал, как Суслов, принимая делегацию Колумбийской КП, говорил о встрече лейбористов: «свидетельство глубоких перемен в мировой общественности».

Да… Он доволен. Доволен и Б.Н. (страхи прошли, хотя он на беседе пытался «воспитывать» лейбористов в духе марксизма-ленинизма, в своей обычной манере).

И несмотря на наши оговорки «об идеологических различиях» (которые устраивали и лейбористов), мифы рушатся. (Впрочем, это не мифы, а идеологическая надстройка над неизбежным прошлым. Но она уходит).

Безыменский заходил ко мне перед возвращением в ФРГ. Рассказывал о том, как шведский посол в ФРГ (естественно, социал-демократ), с которым он знаком, говорил ему об одном вечере у Брандта (был еще Венер). Они долго «качали головами» по поводу последнего сборника АН СССР «по проблемам современной социал-демократии». Впрочем, они уже смеются над всем этим. Сами же (Брандт – мессионерски) строят социал-демократическую Западную Европу на основе богатств и организационных достижений государственного монополистического капитализма. Под этот процесс явно подстраиваются Берлингуэр, а теперь и Марше.

Так вот: мы говорим об идеологических несовместимостях, но на уровне реальной политики, конкретно ни один серьезный человек не сможет указать на эти действительно принципиальные различия между средним уровнем современного социал-демократизма (Брандт-Пальме-Миттеран) и средним уровнем западного комдвижения (ИКП,ФКП,КПВ и прочие шведы). Именно поэтому дело идет к социал-демократической Западной Европе. И нас в политическом и особенно экономическом смысле это все очень устраивает.

Брежнев вылетел в США! Еще один крутой поворот… в общем-то в том же направлении. Наша печать полна «деловыми» объятиями с Америкой.

24 июня 73 г.

Заключено соглашение Брежнев-Никсон о предотвращении ядерной войны. В разумной истории человечества это, пожалуй, значит больше, чем акт о капитуляции Германии 1945 года в тогда безумной истории. Правда, для безумия у нее еще много резервов: Китай, «трапезниковщина», «третий мир».

Вся эта поездка Брежнева означает, конечно, и ощутимый идеологический поворот. Само усиление идеологической борьбы, на чем изо всех сил будут настаивать трапезниковцы (опираясь на официальный тезис «о неизбежности» такого усиления, поскольку империализм понял невозможность подавить нас угрозой войны), само это – лишь подтверждение реальности идеологического поворота (ждановизм появился в похожей ситуации, но времена с тех пор изменились).

А вот симптомы. В разговоре с нашим консультантом Козловым профессор Ковалев, заведующий кафедрой научного коммунизма МГУ и мудак, так сказать, ex officcio, сетовал: «Как же так получается? Конечно, мир это хорошо. Ленин тоже был за мир. Но ведь вот мы заключаем экономические соглашения с капитализмом на 30-50 лет… Подводим материальную структуру под мирные отношения. А вместе с тем и повязываемся накрепко с капиталистами. И помогаем им выходить из кризисов и т.п. Значит, мы исходим из того, что 30-50 лет там никакой революции не будет? Как же нам теперь преподавать научный коммунизм, говорить об умирающем капитализме?»

В самом деле! Войдите в его положение. Каков бы он ни был, но он соприкасается каждодневно со студенческой массой, для которой то, что она видит по телевизору и вычитывает из газет (если она их читает), и то, что она слышит с амвонов «научного коммунизма», на семинарах и прочие – две большие разницы. Одно на другое никак не накладывается, и ни в чем даже не напоминает друг друга. Какая же это, с их точки зрения теория, которая призвана объяснить все наперед?! (*Кстати, эта теория в виде учебников, лекций и профессоров вся – и психологически и логически – выросла из «Краткого курса», она порождена эпохой сталинизма и представляет собой либо фальсификацию, либо схоластизацию ленинизма*).

А в результате студенческая масса (и это уже факт, а не возможность) в лучшем случае равнодушна к «научному коммунизму», для одной ее части, – это лишь обязательная экзаменационная дисциплина, а остальные просто презирают и смеются над всей этой «теорией», все более цинична в отношении всех ценностей советского общества, в том числе и с его местами поистине героической историей. И править имбудут выходцы из этой же среды, но еще большие циники, к тому же и карьеристы, и, не дай бог, подонки, увы, править – от имени того же самого «научного коммунизма» и, опираясь на полное безразличие массы, которая из рук Брежнева получает, наконец, действительно «вечный мир» и, возможно, в не столь далеком будущем – материальный достаток.

Выход: трапезниковщине пора объявить войну – этого требует утвердившийся мир. Колоссальная трудность такой войны в том, что речь идет не просто о профессорах и части аппарата, а об уже целом социальном слое, охватывающем несколько поколений. Его не переделаешь, а главное – из него не сделаешь умных и образованных сторонников нового. Начинать надо с волевой, на уровне генсека, перестройки самой теоретической концепции, с подлинного возрождения ленинизма на современной основе, с освобождения всей общественной жизни от идеологических догм, которые в свое время и долго имели реальное значение для социального развития, для нашей страны в особенности, но теперь превратились в идеологические мифы, в тормоз и опасность для нашего общества, в источник его морального разложения.

Вот интересно: на каком языке Брежнев будет разговаривать на встрече с руководителями социалистических стран, когда вернется, - на языке идеологических мифов или на языке реальной политики? Или на смеси их обоих?

Воскресенье, вечер. По возвращении с дачи. По телевизору – заключительные сцены Брежнева в США. Доброжелательство, открытость и даже какая-то приятельская манера в общении с Никсоном, его женой, с сенаторами, «деловыми кругами» и т. д. Будто перечеркнут одним махом весь взаимный лай, продолжавшийся четверть века. Комментатор передал оценки американских газет: Брежнев действовал как крупный политик, государственный деятель мирового масштаба, который видит перспективу, с мужеством и смелостью, необходимых для такого крупного поворота. Американские газеты, может быть, даже и не

подозревают, что при всех высоких оценках они далеко недооценивают сделанное Брежневым за последний год. А это сделанное по последствиям для нас (если, конечно, вновь не произойдет «реставрации», что, впрочем, вряд ли) будет значить больше, чем XX съезд.

Нужно было действительно большое политическое искусство, чтобы подвести нашу верхушку к согласию на такой поворот. И надо было действительно огромное мужество, храбрость, чтобы этот поворот произвести с таким размахом, не половинчато, без мелочных оглядок на идеологию и т.п.

Теперь – хватит ли обобщающей силы, политической культуры в самом высоком смысле, чтобы сделать из этого поворота **все** назревшие выводы?.. Впрочем, для этого нужно неизмеримо большее число подготовленных и «согласных» кадров, чем для внешнеполитического начала поворота. … Кадров, умеющих понять, объяснить, создать новую идейно-политическую атмосферу в стране и умеющих работать, по-современному работать.

А вместо этого пока среди этих «кадров» начинается шипение: «распродают богатства страны», «что мы сами что-ль не можем овладеть своими кладовыми», «талантами что ли иссякли» и прочие пошлости.

30 июня 73 г.

Вчера весь день заседало Политбюро. Обсуждали визиты. Сегодня в «Правде» – постановление. «Антиимпериалистическая» взвешенность наличествует. Дух Суслова еще жив. И этого духа еще все побаиваются. Он – наша форма политического реализма («здорового недоверия» к партнеру – противнику, а заодно и бальзам на революционную совесть). А мы все формируем перспективу в связи с предстоящей встречей Брежнева с Гереком, Гусаком и т.п. Загладин сделал замечания на мой текст. Они толкнули меня на усиление «социального момента», на связь «необратимости» с ростом левых сил и возможным приходом их к власти в виде социал-демократических правительств. Пожаловался он, что все надоело: ему интереснее возиться со слушателями Ленинской школы – «живая жизнь», которая мне-то кажется просто политическим трепом. В этом («пикейном») духе он делал и свои замечания, но я воспринял лишь посылки, а не выводы и конкретные предложения. Кстати, он сообщил, что «работал с Косыгиным» в связи с предстоящим официальным визитом в Австрию. Похвалил того за то, что «все изучает», «вдумывается», «задает вопросы», осваивает материал всерьез… «Чего нет у Брежнева… Этот хочет действовать, но знать ничего не хочет. Никаких материалов величиной больше трех страниц не читает!» Это Загладин, видимо, - по опыту Завидово.

14 июля 73 г.

Давно не писал, потому что был отправлен «в лес» – Волынское 2. Это неподалеку от дачи Сталина. Там жил, говорят, в свое время Жданов, а по соседству, в домике поменьше – маршал Василевский (во время войны). Огороженный полуразвалившимся (но «зеленым») забором участок в несколько гектаров. Райский уголок: раньше явно было большое имение, потому что до сих пор еще просматриваются аллеи, теперь уже более чем столетних лип и вязов. Заросший, в буйной и густой зелени, трава – в рост человека, а промежду – асфальтовые дороги для авто – к дачам, впрочем, повторяющие изгибы старых, конных. Там прохладно даже в очень жаркие дни.

Ну так вот: вызван я был туда самим Александровым-Агентовым, собрались (для памяти), помимо него самого, который, естественно, был за главного, - Блатов, Смирновский Михаил Николаевич (МИД, бывший посол в Англии), еще один из МИД'а, который пять месяцев провел в Вене по разоружению, Шахназаров, Пекшев (руководитель экономической консультантской группы из отдела Катушева), Горбачев (оттуда же), Жилин. Потом подъехал Загладин и зам. МИД Ковалев (прямо из Хельсинки). Задача уже упоминавшаяся: материал для встречи Брежнева с Гереком, Гусаком, Кадаром и т.д. Но теперь уже – не пономаревская «самодеятельность», хотя и предпринятая по решению ПБ, а текст на главный вынос.

Из существа: за мир – совершенно искренне и безусловно, без обмана. Разоружение – и хочется и колется. Т.е. – присутствует абстрактное желание сократить расходы на эту прорву. Но при полной уверенности, что этого все-равно не будет сделано. Потому что все, в конечном счете, основано на убеждении: и внешние успехи, и внутренняя стабильность – результат, главным образом, мощной и беспрекословной военной машины (кстати, именно в дни наших сочинений в Волынском Брежнев из Завидово (где он с другой группой готовился к речи при вручении ему медали за мир и дружбу и к вступительной речи по случаю 70-летия II съезда РСДРП) летал на вертолете в Кубинку осматривать «новые боевые машины», как выразился Александров.

По Китаю – ничего нового и ничего путного. По-прежнему, несмотря на все раздражение, впрочем, вполне справедливое, и на все грозные термины осуждения, фактически исходим из того, что это социалистическая страна и можно ее в конце концов урезонить. Единственная оригинальная идея, вытекающая из такой установки – «может быть послать китайцам совместное обращение?» Идея Катушева. В просторечии мы ее называем – письмо запорожцев турецкому султану. Я всячески выступал против этого дурацкого предложения, пытался даже высмеивать. Но меня отвергли. Впрочем, убедительно: «А что ты предлагаешь?» В самом деле, не ядерную же кастрацию Китая предлагать…

«Наши» проблемы комдвижения в общем не вызывали споров: поставлена будет на обсуждение идея Берлингуэра о «2-ой Карловарской» конференции европейских КП и идея нового «большого Совещания» (впрочем, Брежнев на этот раз сам предложил: в разделе о Совещании – ни слова о Китае, чтоб через румын не просочилось, тогда и треть компартий не доберешь!). Однако, если вдуматься, реальный смысл и того и другого может быть только антикитайский. Характерно в связи с этим: мои попытки включить в текст упоминание, что мы поддерживаем линию на «левые блоки» коммунистов и социалистов в Италии и Франции и что видим в их эвентуальном приходе к власти фактор необратимости позитивных сдвигов в сторону мира – не прошли. Александров это дважды выкидывал. (Хотя оставил упоминание о социал-демократических правительствах в этом же смысле – достижения необратимости: мол, это не выходит за рамки внешнеполитической деятельности, а поддержка «левых блоков» - это вмешательство во внутренние дела с целью изменения социального строя). Ясно, что так будет и дальше: мы не будем втягивать комдвижение в наши державные дела, оно нам будет тут только мешать. И в самом деле – будет мешаться! Значит (хотя об этом и не говорится), оно нам нужно, как фактор антикитайский, для моральной изоляции Китая и для безвредного (с точки зрения отношений в государственных верхах) поддержания нашего морального престижа в революционном общественном мнении, которое как определенный миф еще существует.

Большие споры в нашей волынской группе были по поводу «обмена идеями и людьми» - пункт повестки для Общеевропейского совещания государств. Ковалев убеждал, что нам сорвут это совещание, если мы чего-нибудь не придумаем. Похоже судя по всей мировой печати, что так и будет. Они (на Западе) довольно откровенно пишут, что Запад хочет получить компенсацию, которая, просто говоря, состоит в том, чтобы с помощью «своих идей» создать в СССР «свободное общественное мнение», способное реально влиять на политику (и на состав руководства) и, таким образом, исключить «коварство»: мол, Советы всех усыпят своим «мирныи сосуществованием», а потом – раз – и захватят всю Европу.

В некоторых их статьях рассуждения о том, чтобы «восстановить Европу», какой она была 200 или 100 лет назад; о том, что «настоящая разрядка» – это, когда все люди, где хотят, там и живут, что хотят, то и читают, куда хотят, туда и ездят.

Примитив (или сознательно идеологический подход) всех этих рассуждений в том, чтобы противопоставить наше руководство народу, который, как выразился Дуглас Хьюм в Хельсинки, хочет повсюду очень простых вещей: прилично питаться и одеваться, иметь жилье, чувствовать себя в безопасности и использовать возможности, имеющиеся у каждого.

Но наше руководство тоже не хочет войны: искренне и навсегда. Но на Западе никак не могут понять, что Чехословакия – это внутренняя идеологическая проблема, а не выражение «подлинной внешней политики Советов».

В поддержку Ковалева выступил Блатов, другие присоединились. И тут Воробей нахохлился и стал произносить речи: мы, мол, не понимаем, что существует одна альтернатива – либо мы позволим себя идеологически размягчить, либо не позволим (тезис о недопустимости идеологического проникновения) и все равно своего добьемся. Потому что им (Западу) все равно деваться некуда: мы им насчет нерушимости границ, а они от нас стребуют свободной циркуляции идей, т.е. право на вмешательство в наши дела. Любой обыватель, рассуждает Александров, понимает, что эти неравнозначные вещи и безумие – отказаться от одного, если не позволят делать второе. Конечно, в тактическом плане он прав. Но в плане исторической перспективы – это страусизм.

Коллизия между двумя этими подходами далеко не осознанными, смутно различаемыми самими участниками, продемонстрировано в пятницу, 13 июля. Имело место торжественное собрание в Большом кремлевском дворце по случаю 70-летия II съезда РСДРП. Брежнев произнес вступительную речь, Суслов доклад.

Накануне Пономарев мне сказал, что решили приподнять это мероприятие (раньше планировалась лишь научная конференция в ИМЭЛ'е), - чтобы «сбалансировать, а то у нас последнее время все внешняя политика, да внешняя политика, может создаться впечатление, что мы отходим от своих классовых целей».

Разумеется, все это решалось вместе с Брежневым и с его согласия. Но, если внимательно сопоставить его речь при вручении Ленинской медали мира 12 июля и даже его упомянутую вступительную речь с докладом Суслова, - разница бросается в глаза. Доклад состоит из наших железных штампов: «крушение империализма», «классовая внешняя политики», «бескомпромиссная идеологическая борьба, которая будет обостряться», и весь пафос – только наш путь правилен, только такая партия, как наша приводит к победе… Мирному сосуществованию (при всех высоких оценках, которые, конечно, на лицо) отведено его надлежащее место: исключение ядерной войны.

Подход Брежнева шире и мудрее. В США он сказал, что человечество выросло из кольчуги «холодной войны», оно хочет дышать вольно и свободно. На это обратили внимание. И, повидимому, это не только красивый образ. Брежнев

понимает, что отказ от «холодной войны» и действительно коренной перелом в мировой обстановке не может не иметь глубоких социально-психологических, а значит и идеологических последствий… Что нельзя, открывая дверь иностранному капиталу и рассчитывая всерьез использовать международное разделение труда, а значит – выводя огромное количество советских кадров на прямой контакт (и на новые формы профессиональной деятельности) с Западом, - полагать при этом, что сухие догмы, унаследованные от «Краткого курса», могут неколебимо оставаться реальным мировоззрением сознательной части общества. Лицемерие и двоемыслие и так уже до основания растрясло нашу официальную идеологическую жизнь. И закрывать на это глаза – значило бы сознательно идти на то, что общество рано или поздно зайдет в тупик.

Что делать конкретно (даже в связи с совершенно практической задачей, порожденной Общеевропейским совещанием), ни Брежнев, ни даже «волынские мудрецы» вроде нас не знают. «Не знают», в частности, и потому, что Суслов, олицетворяющий незыблемость официальной идеологии, и многомиллионная армия ее служителей по всему Советскому Союзу, не допустят даже мысли о каком-то новом подходе к классовой борьбе на мировой арене, которая действительно идет, но которую вести надо как-то иначе, если хотеть настоящей победы и заботиться о духовном здоровье своего народа.

Кстати, аудитория в Большом кремлевском дворце очень горячо встречала Суслова. Не мудрено – там ведь был самый цвет «служителей».

Не могу думать за Брежнева и, конечно, ничего не знаю на этот счет, однако, не верю, чтоб он не замечал разницы в его собственном подходе и подходе Суслова. (Не важно, что исходные материалы в обоих случаях готовят не сами ораторы. Но в одном случае – это ИМЭЛ и, возможно, отдел науки, а в другом – Александров, Блатов, Загладин, Арбатов и т.п. под непосредственным наблюдением Брежнева).

Как показывает опыт, Брежнев в кадровых делах – великий тактик. Я не хочу сказать, что он может быть недоволен Сусловым уже сейчас. Нет… Суслов до какого-то предела может быть даже выгоден: ведь Брежнев учитывает, что его международная сила связана также и с тем, что он представляет идеологическую державу. *Однако, не уверен я, что Брежнев, слушая Суслова, не испытывал и некоторой неловкости. Ведь на фоне этого доклада, его слова, его манера держаться с людьми на Западе, больше того – сама его политика может показаться там лицемерием и сознательным, ловким обманом. И наверняка (завтра это все можно будет прочесть в ТАСС) многие скажут: «вот, что мы говорили! Все это брежневское мирное сосуществование – одно сплошное русское («восточное») коварство. А истинная суть советской политики и советских намерений – в докладе Суслова, который Брежнев освятил и своим присутствием и своей вступительной речью».*

*И в самом деле: с точки зрения тактической - так уж ли надо было торопиться с этим идеологическим evocation? Сделать бы одно дело, а потом уж и опять за свое! Хотя бы провести Общеевропейское совещание, не подставляя собственную ногу, чтоб оно споткнулось на полдороги! Всего этого не мог не понимать ни Брежнев, ни Громыко, ни многие другие, кто реально смотрят на вещи. Однако, идеологический комплекс слишком силен, чтоб кто-то осмелился возразить против подобного «баланса», инициатором которого был Суслов. (Недаром же он то ли проговорился, то ли неудачно пошутил, то ли сознательно выпустил жало, когда встречали Брежнева на аэродроме из США. «Хорошо, говорит, что ты, Леонид Ильич, не забыл, что ты коммунист и встречался с Гэсом Холлом и Марше»).*

Но симптомы недовольства нашей идеологией появляются. Загладин рассказывал в Волынском, что во время сидения в Завидово (после возвращения из Америки) Брежнев неоднократно и в присутствии всех, в том числе обслуги и врачебного персонала, высмеивал и просто грубо поносил Демичева, отзывался о нем с явным презрением, как о невежде и бездари. Однако, вскользь «пропустил»: «пусть, мол, пока живет», тем более, что его даже на пищевую промышленность не поставишь, он и там ничего не понимает, хотя и химик. Загладин полагает (и другие тоже, кто все это наблюдал), что здесь – проблема ротации: Брежнев, мол, сказал, что сначала надо людей как следует накормить… (т.е. по закону ротации имеет в виду решить вопрос **сначала** с Полянским).

Вчера заехали к Сашке Митте. Недавно был в Японии. Увлечен новым своим фильмом. А «Точка, точка, запятая» идет как конкурсный на фестивале по разряду детского фильма. Талантливый и добрый человек. Детдомовец, между прочим. И Лиличка его, прелесть, знаменитая кукольная художница и оформитель детских книг. А начинала уборщицей в театре Образцова. Теперь они радуются как дети новой мебели, где один диван стоит аж 4000 рублей.

<u>17 июля 73 г.</u>

Утром встречал ирландцев. Приехали со Снечкусом в его салон-вагоне из Вильнюса. Завтра переговоры с ними в ЦК. Суета с проектом коммюнике. Б.Н. опять его-то боится: мол, слишком большой текст, «скажут там, знаете?»…

А Загладин вновь отозван в Волынское-2 писать речь для Брежнева при вручении Ордена Украинской ССР. Суть: о визитах два слова, остальное – по внутренним делам. Хочет сказать, что раньше все управленческие реорганизации оставляли существо управления нетронутым. А теперь (создание промышленных объединений) должна произойти перемена управления по существу! Будет говорить об урожае. Вроде в этом году около 190 млн. тонн. Это – небывалое. Дай бог собрать.

Между прочим, вручать орден Украине должен был Суслов. Уже месяца полтора сидела группа по подготовке текста (от нас – Козлов). Но Леонид Ильич решил и это провести собственноручно.

Спросил я у Загладина, обратил ли он внимание на диссонанс доклада Суслова на 70-летии РСДРП (наверно, напрасно это сделал). Во первых, выяснилось, что он, Загладин, доклада не читал. А во вторых, сообщил, что Брежнев ничего не заметил. Про доклад же Суслова сказал: скучно до невероятия, весь зал должно быть засыпал, знаете, говорит, как сваи бабой в фундамент забивают. Вот так и здесь: ни одного живого слова, ни одной мысли. Тысячу раз слышанное и писанное.

Только и всего. Однако, в этом что-то есть.

<u>21 июля 73 г.</u>

Неделя прошла трудно: ирландцы, Б.Н. капризничал с коммюнике (все боится выглядеть нескромным). Вычеркнул одно из двух упоминаний Брежнева и несколько раз напоминал мне, чтоб я никому не показывал черновик, где Брежнев присутствовал, и обязательно вернул ему его обратно. Комедия!

Снечкус – сауна с ирландцами в Литовском постпредстве. Мой тост об интернационализме.

До этого днем – беседа в ЦК с делегацией у Б.Н. Он довольно ловко ее провел и для его положения квалифицированно.

Работал над его текстом для Крымской встречи, на которой Брежнев предложил ему тоже выступить.

Вебер – статейка против Питтермана (заигрывание с китайцами). Хорошо получилось. Но пропустит ли Б.Н?

Любопытно, что доклад Суслова никто и не заметил. Арбатов, который там присутствовал, говорит, что помнит лишь, что было очень скучно. Западная печать тоже не обратила внимания на контрасты, о которых я писал. Из окружающих в Отделе вообще не читали доклада! Вот так.

22 июля 73 г.

На работе неделя была заполнена подготовкой Пономарева к отъезду в Крым (завтра там начинается встреча Брежнева с Гереком, Кадаром и т.д.), проектами речей для Брежнева в Индию (состоится, видимо, в сентябре), статьей для «Правды» насчет китайцев. Б.Н. «вдруг» решил пустить эту статейку по Секретарям ЦК, на себя ответственность не взял. Впрочем, это, видимо, результат звонка к нему Блатова, который возразил против одного абзаца в нашей информации для европейских КП «об отношениях с социал-демократами». Ему не понравилось, что там исключается сейчас возможность выйти на контакты с Социнтерном. И не то, чтоб у него были аргументы: просто Брежнев недавно походя в разговоре с помощниками обронил: а почему бы нам и с Социнтерном не завязать отношения? Однако в записке осталось как было: мы с нынешним руководством Социнтерна не хотим иметь дела.

Прочитал по белому ТАСС'у интервью академика Сахарова шведской газете. Удивительно, прежде всего, как это ему удается. Пригвождает он наше здравохранение и систему образования, которые в жалком состоянии, экономику, которая неэффективна и расточительна. Говорит о том, что социализм как строй продемонстрировал свою несостоятельность. В обеспечении материальных условий жизни капитализм показал несравненно большую эффективность, а в творческо-духовном плане – и говорить нечего: социализм «не дал свободы и демократии». Причина всего – в монополизации партией всей общественной жизни, это, с одной стороны, создало «аппарат»-людей, которые заботятся лишь об устойчивости порядка, обеспечивающего им привилегии, а с другой стороны, цинизм, иждивенчество, отсутствие заинтересованности и желания «вкладывать душу» и т.д. со стороны массы. Большой порок – отсутствие внутренней информации (вместо нее пропаганда) и т.п.

- Можно ли изменить? – спросил корреспондент.
- Нет. Система удивительно стабильна. К тому же менять круто – это еще одна катастрофа, которых у страны и так было вдоволь. Он, Сахаров, за постепенные, частичные реформы.
- Зачем он гоношится, если ничего нельзя изменить? – спросил журналист.

Вразумительного ответа не последовало: интеллигентское, «чтоб вы знали» (т.е. на Западе). Но тут же сообщает, что (в силу отсутствия информации) он и сам-то очень мало знает.

Рецепты? – «Другая оппозиционная партия», частная инициатива в мелком производстве и сфере обслуживания, информация, т.е. то, что официальные антисоветчики предлагают уже четверть века.

И опять на этом интервью начинается накрут. Генрих Белль уже его приветствует и т.д. Вздор все это. Помнится, такой тип у Войновича в «Вере

Фигнер» есть: либеральствующий смельчак, очень огорчившийся, что его не брали всерьез и «не хватали».

Загладин еще какую-то брошюру сочинил «между делом», т е. одновременно с написанием (на дачах) текстов для Генерального. Делается все это с помощью отделовских технических средств: стенографистки, машбюро, ксерокс и т.д. Полистал: компилятивный треп, хотя и легко читаемый.

Разговор у него в кабинете с Луиджи Ноно (итальянский композитор, коммунист), Любимовым, Целиковской. Ее болтовня и «образованность хочет показать». Ноно и Любимов начали подготовку поп-оперы о революционном движении от Парижской коммуны до Че-Гевары для Ла-Скала. Стало возможным после беседы Берлингуэра с Брежневым, о которой дали утечку Катьке (Фурцевой) и ее заму Попову. Что-то будет! Прокрутил все это Загладин.

Вчера: впечатления (по теле) от открытия фестиваля молодежи в Берлине. Кое-что заслуживает… Во всяком случае, разрядка, кажется, может вдохнуть новую жизнь во все эти наши давние затеи. Однако, борьба против империализма все больше (в том числе и в самой «Правде») выглядит как борьба против империалистической политики, даже – как против «акций» империализма, а не против капитализма как строя.

Известна мне история с израильской делегацией на этот фестиваль. СЕПГ попросила КП Израиля, чтобы делегация «опоздала» на открытие: появление израильского флага на параде рядом с десятками арабских флагов могло вызвать «инциденты». Однако, что они будут делать на закрытии? Ведь израильский флаг уже будет «обнародован» в ходе фестиваля.

4 августа 73 г.

На работе за неделю. Речи для визита Брежнева в Индию. Самотейкин (референт Генсека) с меня не слезал.

Ответ Леруа (ФКП) об «Общем рынке», поскольку Брежнев Жоберу (МИД Франции) сказал, что будем выходить на связь СЭВ-ЕЭС. Между прочим, очень крутой разговор был Брежнева с Жобером. Брежнев прямо ему отрубил: против кого вооружаетесь, совершенствуете ядерное оружие и т.п.? И это в обстановке разрядки. США – ваш союзник. Для ФРГ вы, мол, и так уж накопили бомб сверх достаточно. Остаемся мы, СССР. Это нам не нравится и начинает беспокоить.

Жобер в ответ: Вы, господин Брежнев, сами недавно (в Киеве) говорили, что борьба двух систем продолжается и разрядка ее не отменяет, что цели и идеология этих систем непримиримы и противоположны. Мол, классовая борьба на мировой арене. Вам мы верим. Верим, что вы искренне проводите мирный курс и мирное сосуществование берете всерьез. Но ведь Вы – не вечны!.. Не в тех, конечно, словах, но смысл был именно таков.

Брежнев не стал ему на это ничего отвечать и перевел разговор на другую тему.

Весьма серьезные материалы Катущев разослал по ПБ накануне Крымской встречи – о положении дел в каждой из социалистических стран. Везде плохо с экономикой. Почти у всех колоссальный валютный долг на Западе (особенно у Болгарии и Румынии).

Улучшение материального положения в Польше за счет проедания национального дохода. Ни о какой коллективизации в сельском хозяйстве, ясно, не может быть и речи, даже в отдаленной перспективе.

Особенно тревожно морально-политическое состояние. ГДР буквально потрясена «мирным наступлением» Брандта. Он уже стал национальным героем, носителем национального единства. Открытие шлюзов для западных немцев в ГДР привело к массовому требованию выездов (поездок) в ФРГ из ГДР. Отказы ведут к открытым протестам, все чаще случаи, когда люди высоких должностей демонстративно отказываются от постов, если не удовлетворяют этих их просьб, а члены партии кладут партбилеты. Кажется, молодежный фестиваль еще больше расшатает ГДР'овское общество.

У болгар помимо страшной запущенности в кадровых делах (неспособность, моральная несостоятельность, интригантство, семейственность и прочие), оказывается очень острый – национальный вопрос: 8 тысяч турок, около 700 тысяч полутурок, плюс македонцы, цыгане. Местные власти их откровенно давят и дискриминируют. Дело доходит до насильственных столкновений. Массовые требования об исходе в Турцию. Живков оценивает положение весьма пессимистически и видит выход – в превращении Болгарии в союзную республику СССР.

В Польше и Венгрии – антисоветизм и национализм. Впрочем, везде «проблема» молодежи и интеллигенции, даже в Монголии, где цивилизованный (за наш счет) слой не хочет обратно интегрироваться в «свое» общество, паразитирует и презирает все вокруг. В Монголии еще проблема Цеденбала. Он, видно, совсем себя дискредитировал и всем там надоел. Сам никому не доверяет до такой степени, что вот уже полтора года после смерти Самбу (председателя Верховного Хурала) никого не допускает на его пост и не хочет сам, чтоб не расставаться с постом премьера. Цирк в общем.

Кадар, оказывается, уже дважды подавал в отставку. Он действительно болен. Но, говорят, еще устал мирить две группы в руководстве: просоветскую (Комочин и К°) и националистическо-либеральствующую (Атцел, Фок и К°). Не исключено, что о своей отставке он поговорил с Брежневым, когда был с ним один на один (и с Надей, переводчицей, выросшей в СССР).

В Чехословакии: магазины полны, но резервы исчерпаны, в основных тяжелых отраслях – застой. Нормализация - на поверхности. Потому что масса сыта и одета. Но оппозиция действует в обстановке (и под прикрытием) всеобщего политического безразличия и презрения к властям. Молодые ребята, вступающие в партию, сразу чувствуют изменение отношения мастеров, инженеров, окружающих: стена презрения и насмешек, изоляция от друзей.

Обкомы Брно и Остравы возглавляют антисоветчики. Попытки их снять на прошедших недавно конференциях не удались. Подавляющее большинство вновь проголосовало за них. Многие из верхнего партактива тайно общаются с Кригелем, Смрковским, Млынаржем и с эмиграцией. Вся творческая интеллигенция (кино, теле, писатели, театр) открыто игнорирует власть; не отзывается ни на какие призывы и уговоры, ничего не выдает в официальные издательства и на сцену, пишет в «ящик». А те, которые пытаются вырваться из ее среды и нарушить молчаливый заговор презрения и игнорирования, - малоспособны и выдают макулатуру, над которой смеется молодежь. Студенчество полностью вне влияния партии. Активизируется церковь. В ПБ нет единства. Гусак-Биляк пытаются решать без остальных. Но нет уверенности, что и между ними самими действительно «единство взглядов». Просто Гусак знает, что Биляк – любимчик Москвы. Сам Гусак весьма пьет и очень плохой организатор.

5 июля 73 г.

На прошлой неделе – встреча (вместе с Загладиным) в «Арарате» с Гербертом Мисом (предстоящим генсеком ГКП, вместо Бахмана) и Готье, его будущим заместителем. Грубо подлаживаются, хотя и умны. Наш отпор Мису в его попытке понравиться за счет критики в адрес итальянцев. Грубовато получилось, но, кажется, дошло.

Встреча с Бернтом Карлссоном (международный секретарь СДП Швеции) – вместе с Шапошниковым на Плотниковом. Застенчив он и уж очень осторожен. Проблема та же, что у Жобера: мол, Брежневу мы верим, но ведь у вас и Шелесты есть. Дважды я его высмеивал: по поводу Шелеста (мол, сняли, потому что не справился на Украине) и по поводу слухов, что хотим восстановить Коминтерн. Все-таки весьма примитивно они нас представляют. Даже на людей весьма информированных действуют вульгарные пропагандистские клише.

27 августа 73 г.

Вышел на работу после отпуска, который провел в Тессели. Проблемы: подготовка выступления Брежнева на миролюбивом конгрессе, подготовка «идей» к встрече Секретарей ЦК социалистических стран – результат Крымской встречи. План работы с социал-демократией (по итогам нашей информации европейским КП), разное прочее. Кстати, прочитав стенограмму Крыма, обнаружил, что заключительное слово Брежнева на 75 % состоит (текстуально) из подготовленного мной для Пономарева и не состоявшегося его выступления на этой встрече.

Калейдоскоп всякой сверхзакрытой информации отовсюду. В Чили, видно дело идет к концу. Еле лепятся наши попытки «удержать» Египет. Алжирцы хотят превратить предстоящий очередной конгресс «неприсоединившихся» в акт институционализации этого движения вроде «ООН для слаборазвитых», с постоянными органами и т.д. с главной задачей – противостоять разделу сфер влияния сверхдержавами. Югославы не прочь присоединиться к этой идее, но при условии, если им предоставят гегемонию во всем этом хозяйстве.

Итальянцы кисло отнеслись к идее нового международного Совещания. Впрочем, в Крыму против него категорически выступил Чаушеску. К этому отнеслись сдержанно, но вот его заявление, что Китай вносит вклад в разрядку напряженности вызвало отпор всех за ним выступавших: Гусака, Живкова, Цеденбала. С Живковым даже произошла перепалка. Чао его прервал: мол, я не могу допустить, чтобы здесь критиковали мою партию. Тогда вступился Брежнев, как председательствующий и дал буквально выволочку Чао, назвав его реплики бестактностью и «полностью присоединившись к мнению товарищей». В своем заключении потом он еще раз долбанул его за предложение подумать о роспуске Варшавского пакта.

28 августа 73 г.

Пономарев с Юга прислал записку: надо готовить диспозицию к европейской встрече компартий и международному Совещанию.

Велел дать положительный ответ Аоронзу: пусть приезжают в конце сентября для переговоров в Москву, - это несмотря на карикатуру в «Tribune» (Никсон и Брежнев обнимаются, а в ногах у них путается маленький Маркс, стараясь привлечь внимание к «Капиталу», который он держит в руках), несмотря на большой

документ Национального комитета, где осуждается гегемонизм КПСС в МКД и прочие подобные вещи. Вот, говорит, мы здесь все это и выложим. Его заботит: не потерять «единицу» в преддверии нового Совещания. По инерции «государственного интереса» он принял правильное решение, идущее в направлении «признания реальностей» и в МКД. Иначе движение исчезнет.

Сахаров – тема №1 в мировой печати и радио. (Еще одно интервью для французской прессы: совет Западу не идти на разрядку на условиях СССР, разрядка оборачивается полицейско-идеологическим ужесточением режима здесь). Сейчас по телевизору передали письмо примерно двадцати академиков, осудивших Сахарова, среди них – подлинные светила. Франк, Несмеянов, Вул, Энгельгарт и т.п.

Реакция Ненни, Питтермана, «Аванти», Галуцци, социал-демократических органов на статью А. Борисова в «Правде», реакцию инспирировал я. Многие позлорадствуют моей (тактической) оплошности, но стратегически я буду прав.

7 сентября 73 г.

События: «Всенародное осуждение академика Сахарова. Неистовство западных демократов». Интервью Солженицына в «Монд».

Процесс Якира-Красина. Пресс-конференция с их участием в Доме журналистов.

Эпизод с приветствием Брежнева по случаю праздника «Униты»: его выпуск совпал с реакцией ЦК ИКП на Сахарова-Солженицына. Наш Б.Н. и Кириленко намекнули: мол, может не стоит, раз так, отправлять приветствие. Но Л.И. сказал Цуканову по телефону: «Скажи там, что надо делать политику, а не хуйней заниматься. Пусть посылают, как есть». Однако, Суслов все таки добился, чтобы послание в «Правде» не было опубликовано, а отдано для очередного номера «Партийной жизни».

Сегодня опубликована благодарность Брежнева за приветствия по случаю вручения ему Ленинской премии мира. Прошел загладинский вариант, а не утвержденный Секретариатом ЦК! Загладин вставил туда о Программе КПСС!.. на радость Пономареву и к великому гневу Химика и Tutti quanti.

X съезд КП Китая. Доклад Чжоу Эньлая. Наше руководство фигурирует там в качестве «новых царей», «советско-ревизионистско-империалистическая клика» и т.п. Причем, обращено внимание, что поименно называется (и не раз) только Брежнев. В других случаях (реже) употреблено: «другой главарь советского империализма». Анализ Андропова (мидовский анализ, говорят, полностью несостоятельный): усилилась группировка Чжоу (технократы-западники), к ним подтягивается шанхайская группа Ван-Хун-Вэня (стоит на третьем месте после Мао и Чжоу), Чжан-Хунь-Цяо. Вану 36 лет, западная печать ему предсказывает пост Мао. Идеолог, но не хунвейбин, рационалист. Группировка «культурной революции» явно отодвинута, сильно потеснены военные. Треть доклада посвящена нам, треть – делу Линь Бяо и урокам («негативный учитель»), остальное – всему прочему. Однако, в разделе о нас среди ругани есть фраза: «группа Брежнева наговорила де всякого вздору о советско-китайских отношениях, будто КНР не хочет нормализации по государственной линии». На самом деле это, мол, не так. Вот за эту ниточку мы вроде и собираемся ухватиться в предстоящей речи Брежнева в Ташкенте. Между тем, западная пропаганда каждый день твердит о том, что мы готовим «ядерную кастрацию» Китая. Глупо. Хотя что именно делать, никто не знает.

Главная, я считаю, реальность съезда КПК состоит в том, что Чжоу-Эньлай, в руках которого реальная власть, оскорблениями Брежнева (с такой трибуны!) лично и навсегда связал себя с «курсом на Запад» плюс Япония, с антисоветизмом.

Б.Н. названивает с Юга. Основная его забота речь Брежнева на миролюбивом конгрессе. Сегодня в это дело влез уже и Александров. Пришлось на субботу оставить Брутенца и Ермонского для редактирования того, что консультанты делали три недели. Идея: сформулировать новую «дальнейшую» Программу мира.

Оказывается, консультанты сдали Жилину проект 10 дней назад. Он же каждый день кормил меня завтраками. А последние три дня вообще не являлся на работу – пьянствовал. Откровенно паразитирует на чужом труде. И при этом у него хватает наглости выдавать чужой труд за свой перед Пономаревым. Это уже – распад личности.

9 сентября 73 г.

Вышел очередной (ежегодный) обзор капиталистической экономики в журналах ИМЭМО. Перспективы для нас отнюдь не радостные (вернее для нашей идеологии). Поразительная объективность в этих обзорах, да и во многих статьях анализ, что называется, без дураков. Например, в статье Манукяна №8 «Некоторые изменения в условиях развития экономики капиталистических стран». Как это совмещается у нас с трапезниковщиной?!

Впрочем, несколько месяцев назад я читал письмо одного сотрудника ИМЭМО на имя Брежнева, где Иноземцев (директор) и «вся эта компания» обвиняются в ревизионизме, предсказаниях капитализму «долгия лета», ориентации на его рост и отсутствие революции в обозримом будущем. Было на рассмотрении у Трапезникова и Демичева. Долго мурыжили. Копию Демичев рассылал по Секретариату. Хлебушек для них, конечно, подходящий. Но недавно я узнал, что письмо сдано в архив, а автору «отвечено», что он не объективен. Наверно, не решились посягнуть на Кольку (Иноземцева), - как никак он в команде Генерального, кандидат в члены ЦК, поставляет материал Косыгину, академик ко всему прочему.

11 сентября 73 г.

Военный мятеж в Чили. Три главнокомандующих образовали хунту. Президентский дворец подвергнут бомбардировке, начат штурм. Хунта объявила военное положение, запретила выходить из домов, носить оружие. Радиостанциям правительства приказано замолчать; кто не подчинился – подвергнуты разгрому. Это – язык контрреволюции. А революция Альенда занималась трепом, уговорили и громкими декламациями.

Это, конечно, принципиальное поражение современной революции вообще. Едва ли не смертельный удар по самой концепции мирного пути революции. Единственный плюс, что подтверждены вновь ленинские железные законы революции: она штука серьезная и без диктатуры, настоящей, пролетарской – нигде еще и никогда удержаться не могла. Это главный урок, но и поражение, всякое – политическое, идеологическое, психологическое, международное.

А мы? – Последние известия по радио начались в этот день с благодарности, которую Брежнев направил Живкову и К° за присвоение звания Героя Народной Республики Болгарии. Затем – о приеме Брежневым в Крыму личного представителя

президента Афганистана. Потом – о предстоящем в Москве конгрессе миролюбивых сил(!), в частности, о том, что все удовлетворены, что местом его проведения избрана именно Москва. Прекрасная тема: мы и современная революция! Увлеченные миром для себя, мы теряем чувство реальности.

12 сентября 73 г.

Альенде покончил собой. Вчера у меня было предчувствие, что этим кончится. Хунта уже приступила к делу. Объявлены имена 40 человек, которых должны были до 16-00 явиться в министерство обороны, «иначе будут приняты самые крайние меры со всеми вытекающими последствиями». Список возглавляют Корвалан, Альтамирано… Многие мне знакомы. В списке – жены, сестры лидеров. Более 100 коммунистов и 60 социалистов уже схвачены в Сантьяго и Валопараисо. В заявлении хунты – разрыв «с Кубой и другими коммунистическими странами».

Словом, фашистский террор.

Очевидно, правы были социалисты, которые убеждали меня, когда я там был осенью 1971 года, что «мирно дело не кончится, надо форсировать революционный процесс и вооружиться, просили помощи». А Кальдерон (тогда заместитель Генерального секретаря соцпартии) на приеме в посольстве отвел меня в глубину сада и убеждал «убедить в Москве», что нужно оружие, «много оружия, тайно, чтоб вооружить боевые отряды партии, чтоб перетянуть на свою сторону часть армии». Тогда, может быть, было не поздно. Потому что, тогда основная масса народа готова была сражаться за правительство. Но за два последних года беспомощность правительства, политическая, административная и особенно экономическая, дискредитировали революцию и уже мало кто захотел, видимо, класть жизнь за явно дохлое дело. А тогда еще возможна была диктатура, опирающаяся на сочувствие по крайней мере 50% населения.

Идеологические и политические ошибки этого поражения неисчислимы. В том числе – у нас. Брутенц, пожалуй, прав, назвав сегодняшний день – «днем Трапезникова». Идеи блока партий, мирного пути революции – все это теперь «чистый ревизионизм», доказанный! А КПЧ поделом наказана за то, что пошла на разделение гегемонии с социалистической партией (не важно, что политически эта последняя была более права).

Сегодня позвонил мне Кириленко, просил «помочь» в подготовке доклада к 7 ноября. Очень по-товарищески со мной разговаривал. А Б.Н., когда я ему сообщил об этом (он позвонил из Крыма), крайне этим огорчился: это отвлечет меня на целый месяц.

14 сентября 73 г.

О Чили – мы разразились (с обычным опозданием) сильным заявлением ЦК. Весь мир взволнован событиями там. Протесты заявляют: Социнтерн, премьеры социал-демократических правительств, даже ФРГ'овское правительство, не говоря уже о коммунистах. А наш Басов – посол там, «герой Новороссийской забастовки» – в телеграмме советовал «официально» ничего не говорить, а давать лишь информацию, ссылаясь на информационные агенства.

Вчера послал наброски планов по подготовке конференции компартий Европы («Карловы Вары-2», как мы ее называем) и нового международного Совещания компартий. Ни того, ни другого, по нашим первым сведениям, братские партии не хотят. Они хотят консолидации КП и левых сил Западной Европы, они

хотят своего западно-европейского пути революции и своей, подлинно-марксовой модели социализма, вызревшего на почве высокоиндустриализованного капиталистического общества с его высокоразвитыми демократическими традициями. Они все чаще (и англичане, и французы, и итальянцы) подчеркивают неприемлимость для них «советской модели, русского образца» и рассматривают Октябрьскую революцию и Советский Союз лишь как объективную реальность, которые оказали и оказывают воздействие на ход мировых событий и с которыми надо считаться, учитывать их последствия, но отнюдь не подражать и не связывать свою политику с намерениями и желаниями КПСС, ни в коем случае не идентифицировать себя с советским и восточно-европейским коммунизмом. Дело Сахарова, Солженицына, Якира-Красина спровоцировало еще большую кристаллизацию этих настроений, вытолкнуло их вновь на всеобщее обозрение, в более откровенном обличьи – и в обстановке, когда нам приходится «схлебывать» и помалкивать.

На этой неделе прекращено (решением ПБ) глушение радиопередач государственных радиостанций («Голос Америки», «Би-Би-Си», Немецкая волна и т.п.), но не Пекин, Тирана, Тель-Авив, не «Свободная Европа» и «Свобода». Эфир – теперь и над Москвой заполнен в данный момент «проблемой Сахарова и К°» Нас сравнивают с ЮАР и т.п.

Тем же решением поручено «продумать» о расширении зоны допуска иностранцев в разные районы страны, о снятии 40 км. зоны вокруг Москвы для иножурналистов и вообще иностранцев (без специального разрешения), об облегчении их контактов с разными советскими организациями и учреждениями (уже не только через соответствующий отдел МИД), об упрощении визовой практики, о сокращении налога при получении загранпаспорта, если человек едет по частным делам и т.д. и т.п. Это все – в связи с начинающимся 18 сентября вторым этапом европейского Совещания и крайним заострением пункта повестки – «об обмене людьми и идеями». Брежнев ведь распорядился с Юга, вскоре после Крымской встречи по этому поводу: продумать меры, чтобы идеологические наши принципы не потрясти, но и…, чтобы не сорвать европейское Совещание.

Но зачем же тогда Якира-Красина выпускать на суд именно в это время? Зачем с Сахаровым именно так и именно сейчас?… Или общая стратегия не продумана, или ее вообще нет, и правая рука не в курсе, что делает левая.

Заходил Вадька. Опять о Сахарове. Я ему сказал, между прочим: я не знал бы, что делать, если бы стал самым главным в стране. Но одного я не позволил бы никогда – чего бы это ни стоило – материального благополучия ценой легализации кулацкой психологии и кулацкого образа жизни.

16 сентября 73 г.

Проглядел книжку Ж. Марше «Демократический вызов». С точки зрения трапезниковской (да и не только, увы!) ортодоксии это скорее вызов марксистско-ленинскому образцу социализма, а не капитализму. В самом деле:

1. Частная собственность на большую часть средств производства **не будет** отменена при установлении французского социализма.
2. Коллективизация сельского хозяйства **не будет** проведена.
3. Ремесла и мелкая торговля **не будут** кооперированы. Вообще не будет допущено «всеобъемлющего коллективизма».
4. **Не будет** руководства всей экономикой из единого центра. Государство будет лишь регулятором.

5. **Не будет** цензуры. «Для нас не может быть расцвета без свободы творчества, не может быть развития мысли без свободы мысли, без свободного ее выражения и распространения».
6. Безусловное признание принципа «чередования» у власти, подчинения избирательной воле народа, который вправе отказать коммунистам в доверии и они безропотно уйдут.
7. Исключается господство единственной партии при переходе к социализму. Право на оппозицию, на существование оппозиционных партий.
8. Исключается превращение «нашей философии» (т.е. марксистско-ленинской) в официальную идеологию общества.
9. Исключается смешивание государства с «нашей партией»
10. И вообще – почему возражать против термина «демократический социализм». Это клевета, будто коммунисты против демократического социализма. Наоборот, они не мыслят социализма, нарушающего демократию, завоеванную в народных революциях прошлого (т.е. буржуазную демократию).

Спрашивается, что общего между выше изложенным и нашими учебниками по истмату, по научному коммунизму, по истории КПСС, сотнями книг и статей в теоретических и политических журналах? Что общего тут с Программой КПСС, с документами наших съездов?

Но если французская компартия избрала своей Программой ревизионизм, то что остается от коммунистического движения и может ли впредь международное Совещание компартий носить идеологический характер? О каком идеологическом единстве вообще может идти речь?

17 сентября 73 г.

Усталый день. Опять проблемы текста для речи Брежнева на конгрессе мира. Опять текст для Кириленко к 7 ноября. Звонок и резолюции на моих записках Б.Н. Правка им плана на «Карловы Вары-2». Речи для Брежнева, который поедет завтра получать героя в Болгарию, оттуда – прямо в Ташкент.

Шеменков с запечатанным пакетом из Сургута (около Тюмени), со сделанными КГБ снимками висящего в петле Захариадиса (до 1956 года – генсек компартии Греции). Покончил самоубийством первого августа, причем грозился это сделать, если его не реабилитируют, не восстановят в партии. Жуть. (Копия письма, которое он оставил попала к сыну, выросшему и учившемуся у нас, 23-х лет, не знающему даже греческого языка).

Мы – благодетели и филантропы комдвижения и вся грязь из-под неизбежных подворотен пачкает всегда и нас. Хотя – взять и этот случай – что нам было делать, как иначе поступать… в какой-то степени мы охраняли его почти 20 лет от его собственной партии.

22 сентября 73 г.

«Творческие муки» вместе с Загладиным (он делал много больше, даже дважды кровь носом шла) – над двумя подряд вариантами речи Л.И. на предстоящем «Конгрессе миролюбивых сил».

Возня с вариантом для Кириленко , в четверг отправил в группу в Серебряный бор. В пятницу съездил туда сам. Выслушал замечания Ричарда и

Косолапова (руководитель консультантской группы отдела пропаганды). Держался я с достоинством, просто, покорно делал пометки, чуть не взорвался однажды только (но на паре реплик с покраснением лица сдержался). Однако, противно выслушивать самовлюбленного пижона, чувствовать его высокомерие, которое он не умеет скрывать за напускной естественностью человека, которого поставили над людьми, выше его и рангом и возрастом. Многие замечания – просто выпендривание. Вернувшись в Отдел, я просидел до 9 вечера и сделал все заново. Но домой пришел в обморочном состоянии.

Для чего? Для того, чтоб сам оратор спокойно отдыхал в Крыму, а потом зачитал это с трибуны Кремлевского дворца при напыщенном безучастии аудитории, которая даже и слушать-то не будет: это ведь дежурная праздничная банальщина. Большим ей и не положено быть! А сколько нервов она требует: надо ведь сказать «иначе» обо всем, о чем сейчас говорится каждый день.

Разорвали дипломатические отношения с Чили. Я знал об этом еще с понедельника – было решение ПБ. Это очень хорошая акция. С Индонезией надо было в свое время так сделать.

Из Чили – там чисто фашистские ужасы. По некоторым данным, казнен Карлос Альтамирано, с которым я познакомился, когда он приезжал в Москву к Брежневу в июне 1971 года. Вместе ездил с ним и Кальдероном по каналу на катере, на Солнечную поляну. Тосты там – за чилийскую революцию и моя речь о ее международном значении, «чтоб берегли ее для всех нас». Последний раз его видел во Дворце президента, в той самой столовой, где Альенде покончил собой. Был обед у президента по случаю нашей делегации (по приглашению соцпартии мы ездили по стране – это октябрь 1971 года). Романов (ленинградский) возглавлял.

Наш посол там, Басов – полный мудак. Даже после заявления ЦК КПСС о мятеже он в шифровках продолжал настаивать – не рвать отношений. Или – кресло берег? Другого такого теплого, конечно, не получит.

<u>14 октября 73 г.</u>

Большой разрыв. Это – как на фронте бывало, когда я пытался вести дневник. В дни и недели боев писать было некогда, даже пометки делать. Не то, что не было времени – не было физической возможности. А когда утихало и записывал что-нибудь, получались уже мемуары с налетом литературщины, а не собственно дневник.

Между тем, эти три недели насыщены всяким и «внутри» и «вне» меня.

25 сентября выехали на дачу Горького (Загладин, Жилин, Собакин, Брутенц и я). Доводить заготовку для речи Брежнева на Конгрессе мира. Б.Н. жал на нас и устно и письменно, чтоб придать тексту «тревожный характер»; даже «напугать общественность». Мол, разрядка разрядкой, а подготовка войны продолжается. Миллиарды на гонку вооружений, на невероятное усовершенствование истребительного оружия и т.п. Все мы – «бригада» не только внутренне, но и в голос сопротивлялись такому подходу. Я говорил Б.Н.'у, что сам факт разрядки в решающей степени зависит от того, считаем ли мы, СССР, что она есть. Достаточно нам публично заколебаться в отношении «достигнутых сдвигов» и на другой день никакой разрядки уже не будет. Загладин применил еще более ловкий прием: вот, мол, китаец выступал в ООН. Набрал десятки фактов, доказывающих, что разрядка – «явление поверхностное», в том числе из сферы гонки вооружений. И это – факты, а не выдумки. Значит, дело в том, как их интерпретировать и что им противопоставить

– тоже фактическое. Ленин, де, напомнил Вадим, говорил, что факты для чего угодно можно подобрать.

Наконец, все мы деликатно намекали Б.Н., что Брежнев никогда не откажется от того, что связано во всем мире с его именем, какие бы негативные события и факты ни произошли. Обратили его внимание на то, что, несмотря на массированную атаку на нас в связи с Сахаровым и евреями, несмотря на то, что завис 2-ой этап европейского Совещания (из-за «третьей корзинки» - обмен людьми, буйства Джексона с законопроектом о режиме наибольшего благоприятствования и т.д.) Брежнев неизменно, не упуская случая, принимает лично каждого из появляющихся в СССР американского деятеля, особенно по коммерческой части и в беседах с ними упорно жмет на долговременное сотрудничество. Его не смущает даже отказ Конгресса утвердить вышеупомянутый закон… А ведь проблема Мы-США пока еще главная с точки зрения возможности мировой войны. Но старик со своим mentalite 30-х годов уперся. Обижался, когда пропускали его малейшее предложение, делал нам выговоры и т.п. В результате получилось ни то, ни се. Крупно сказано о сдвигах, но рядом – с большой тревогой о продолжающейся подготовке войны.

Начавшаяся в прошлую субботу, 6-го октября, война на Ближнем Востоке, казалось бы, сработала на концепцию Б.Н., хотя он, конечно, знал об интенсивной работе в эти дни «красного телефона» между Кремлем и Белым домом. А Брежнев, чуть ли не на другой день, принимая Танака, заявил на обеде – «наша внешняя политика может быть только миролюбивой». То есть вопреки всему и несмотря ни на что.

Его не смутило, что китаец совсем накануне напомнил: запугивание Ближневосточной войной, которая якобы превратится в мировой пожар, - это, мол, треп сверхдержав, которым выгодно состояние «ни войны, ни мира». И в самом деле, как только война началась, вся наша пропаганда и известные мне акты политики направлены на то, чтобы представить дело как локальное. Даже новости о боях там сообщаются где-то на предпоследнем месте в последних известиях по радио и телевидению.

<u>21 октября 73 г.</u>

С понедельника до пятницы был в Волынском – 2. Александров-Агентов, Загладин, Иноземцев, Жилин и Чаковский – писатель. Мы с Иноземцевым поселились отдельно в маленькой дачке (бывшая Василевского – во время войны). Я – в той же комнате, где был летом, когда готовили Крымскую встречу.

Работа строилась в темпе и в духе, который легко можно было предугадать.

Собрав нас всех вместе плюс стенографистка, Воробей почти без запинок стал диктовать полупроспект, полутекст на основе плана, составленного у него в кабинете в пятницу. Строго выдерживал оптимизм в отношении разрядки. Более того, ввел такую новинку: упомянуть Никсона, Брандта, Помпиду, Кекконена, Пальме, Ганди… в контексте творцов современной разрядки напряженности, т.е. (принимая во внимание характер события – Конгресс мира) в качестве «творцов мира». Это, конечно, было весьма смело, особенно в свете того, что все антиимпериалистические и прочие силы объявили Никсона (особенно в связи с Вьетнамом) кровожадным убийцей и преступником на уровне Гитлера.

Мы все не возражали (вообще Воробья отличает от Б.Н. и ему подобных честность политического мышления – я еще скажу об этом!). Но обратили внимание на трудности другого рода. Неловко тогда не помянуть деятелей соцстран… Да – но

кого именно упоминать? По железной традиции – всю обойму? Но тогда и Чаушеску, и Ким-Ир-Сен (!), т.е. людей, которые делают все, чтоб подговнить нам в международной политике? А в отношении Чаушеску – еще и такой деликатный момент. Он недавно сделал турне по Латинской Америке. Потом пленум РКП объявил это величайшим вкладом в обеспечение всеобщего мира! Таким образом, назвав Чао, Брежнев санкционировал бы эту оценку перед всем миром.

Однако, принялись за дело, распределившись кому что писать. Мне достался последний раздел: «Какого мира все хотят», «сочетание общечеловеческих и текущих задач», «проблемы, которые на очереди для закрепления разрядки», «наша философия мира – почему мы оптимисты?» и торжественный финал.

Мои отношения с Александровым – нашим Киссинджером – прежние. Он меня не терпит, видимо, чувствуя всем своим острым, проницающим чутьем мою неприязнь к нему… Хотя я уже давно стараюсь ничем это не выказывать. Любые мои предложения или замечания вызывают автоматически раздражение. И только, если их поддерживают другие, он их принимает. Мой раздел, хотя и понравился ему (он сказал об этом Чаковскому и Жилину) подвергся всяческим сомнениям, причем (как это ни парадоксально) именно в тех местах, которые были написаны по идеям, высказанным самим Александровым. Некоторые из этих идей он осмеял и я вынужден был сообщить, что они принадлежат ему самому. Он только сверкнул на меня очками.

На Ближнем Востоке за эту неделю произошел, видимо, окончательный поворот в сторону Израиля. Израильтяне прорвали фронт на Суэце и уже третий день на западном берегу канала орудуют 300 танков, плацдарм превышает 25 км. в глубину. Поставки американцев наверстали и теперь уже обогнали наши поставки (по воздушному мосту через Югославию). Победные реляции Садата неделю назад выглядят уже смешно, а его отказ от наших услуг в ООН – предложить прекращение огня – трагическими. Косыгин был в Каире три дня, но вроде не добился уступчивости. И именно в день возвращения его в Москву (в четверг) израильтяне нанесли удар по каналу и прорвались в Египет.

Вчера вечером в Москву прилетел Киссинджер «по просьбе советского правительства». Но что можно предпринять? Очевидно, только отказ от поставок оружия, взаимный. Но ведь в этом случае арабам за несколько дней будет хана. И нас осудят все, кто не за «сионизм».

С 27 сентября по 6 октября в Москве находилась делегация КП Австралии (Ааронз, Тафт и Мэвис Робертсон – женщина). На главной – первой встрече – у Пономарева они держались нахально: Ааронз в официальной речи выложил все, что у них утверждено и в программных документах: КПСС проводит гегемонистскую политику в МКД, мирное сосуществование – это только государственный интерес СССР, Советский Союз – страна лишь «с социалистической базой», а отнюдь не социалистическое общество, зажим демократии, подавление инакомыслия тюрьмами и психбольницами и т.п. в духе Сахарова, КПСС занимается расколом коммунистического и рабочего движения в Австралии: серия больших и мелких фактов наших связей с СПА.

Б.Н. беленился, даже прерывал, заявляя «протест против клеветы».

Его собственная речь была беспомощна в смысле аргументов по-существу и местами досадно некомпетентна, что только усиливало позиции Ааронза в споре. «Опровержения» Б.Н. вызывали у них иронические усмешки. Однако на них подействовал угрожающий тон и твердость: если, мол, вы будете так и дальше – не ждите никакой нормализации с нами и… тем хуже для вас, с нас-то и волоса не упадет от вашей критики!

Потом 2-го и 3-го октября (я приезжал с дачи Горького для этого) – на Плотниковом и у меня в кабинете в ЦК – говорил в основном я. Я чувствовал, что в чем-то их можно еще убедить, а не только запугать. Включился, как всегда это бывает в спорах с иностранцами, «патриотическо-интернационалистический комплекс», и я работал увлеченно, в этот момент веря во все то, что говорил. И это подействовало, сначала – в tete-a-tete с Ааронзом, а потом и со всей делегацией. Они на глазах менялись. Мэвис внесла конкретные предложения по развитию связей КПА-КПСС, Тафт пообещал изменить «программные» положения с оценками СССР.

Очень они хотели иметь коммюнике. Этим воспользовался Б.Н. и велел им навязать признание «успехов в коммунистическом строительстве» и «одобрение нашей внешней политики», т.е. такое, что в корне противоречило их позиции в начале переговоров. После долгих споров и колебаний они на это пошли. Тем и закончилось. Расстались «тепло». Мы с Жуковым 4 часа провожали Ааронза в Шереметьево. Проинформировали обо всем СПА. Впрочем, они ожидали разрыва. Дело, видимо, все-таки пойдет на нормализацию. Они понимают, что разрыв с нами изолирует их от основной массы компартий и в конце концов и внутри сведет их к положению секты.

22 октября 73 г.

Между тем сегодня усилиями США-СССР прикончена война на Ближнем Востоке. Это колоссальное событие с точки зрения перспектив всеобщего мира. Значит, записанное в нашем договоре с Никсоном «о принципах – консультироваться» на предмет тушения конфликтов, могущих перерасти и т.д. – не просто слова. Это реальность, да еще какая!

А дело было так (со слов Пономарева). Косыгин не привез из Каира согласия Садата на прекращение огня. Тем не менее мы решили это предложить Киссинджеру. Он прилетел с самыми широкими полномочиями от президента. И вел себя с размахом, иронически, не торговался по мелочам, уверенный, что все будет так, как надо. Уже, когда он был здесь, израильтяне долбанули Синая, на западном берегу канала – 300 танков, 13 бригад уверенно расширяли плацдарм и создалась реальная угроза захвата главных переправ уже с запада. В 4 часа утра с пятницы на субботу Садат вызвал к себе посла Виноградова, будучи в состоянии полной паники, не владел собой. Буквально умолял посла тут же позвонить (т.е. поднять с постели) Брежнева и просить добиваться немедленного прекращения огня. Что и было на утро согласовано окончательно с Киссинджером, передано в Нью-Йорк, в ООН. Совет Безопасности немедленно четырнадцатью голосами принял резолюцию (китаец воздержался), с ней тут же согласились Египет и Израиль. Асад, правда, бурчит, что с ним даже не потрудились посоветоваться.

Сторонам дадено было 12 часов для прекращения огня. Киссинджер, правда, заметил было, смеясь, что в международной практике на подобные дела обычно дают 24 часа. Ему в ответ: «Ну зачем же люди-то будут гибнуть еще целых 12 часов?» Он: «Ну, ладно, пускай 12!»

Так что война, видно, уже кончилась.

Арабов опять «смазали». Очень трудно представить себе, чтоб израильтяне так просто начали уходить с Голанских высот, из Синая и даже с западного берега Суэцкого канала (выполняя резолюцию 242!) И еще труднее вообразить, чтоб переговоры между враждующими сторонами «под эгидой» начались в скором времени.

Однако, нам тоже уже не удастся вернуться к политике 1967-1973 годов: т.е. вновь перевооружать арабов, гнать туда танки, самолеты, ракетные установки и т.д. и в то же время «выступать» за политическое урегулирование. И еще – главное: хотя всем ясно, что мы вновь спасли их от разгрома, и этого они нам уже никогда не простят. Карта наша там бита окончательно. Надо кончать с нашими великодержавными заботами и держать свой авторитет и перед ними, и перед всем миром только одним: не позволим мы вам развязать мировой пожар! А освободительное движение? От него мало что осталось. Кто теперь поверит всерьез в прогрессивность режимов и вообще в какие-то «идеи», если Саудовская Аравия, Кувейт и Марокко выступили в роли самых яростных носителей «правого дела»?! Все это самый вульгарный национализм.

Пономарев опять затеял учить коммунистическое движение: статья для «ПМС» в связи с 50-летием смерти Ленина; доклад на юбилее «ПМС» в Праге; и снова – о двух путях рабочего движения для «Коммуниста». Оно бы и ничего, но ведь все опять сведется к едва завуалированным коминтерновским прописям. На фоне того, что на самом деле происходит в жизнеспособных звеньях комдвижения (Италия, Франция и кое где еще), - стыдно и смешно все это.

4 ноября 73 г.

Вчера был вызван Помеловым (помощником Кириленко) доделывать доклад к 6 ноября. Мука мученическая, когда политический деятель (4-ое лицо в партии и стране!) не знает, что надо и чего не надо. В частности, упоминать о ядерной тревоге, объявленной Никсоном 25 октября? (в связи с якобы имевшем место намерением Брежнева послать в Египет советские войска для спасения Садата от прорвавшихся через канал израильских танков и бригад, которые находились уже в 50-ти км. от Каира) Брежнев сказал об этом на Конгрессе. Было заявление ТАСС. Чего же еще? Сам я колебался: с одной стороны, «игнорирование блефа», как оценила западная печать, произвело впечатление на Запад. В Западной Европе – испуг (американские базы) и раздрай в НАТО, публичная перепалка между Лондоном, Парижем, Бонном и Вашингтоном. Киссинджер обвинил союзников в нелояльности, а они его в пренебрежении их законным правом. Перепалка продолжается, хотя прошло 10 дней. А мы в официальном политическом выступлении сделаем вид, что для нас это – прошлое, пустячный эпизод. И все успокоятся (!) в НАТО.

А с другой стороны, - сказать, да еще резко, да еще полить на раны в НАТО, это значит обозлить американцев, а нам с ними Ближний Восток надо доделывать. К тому же наш канкан может только сплотить западный блок.

Но это – мои колебания. Я не всей информацией располагаю…

Впрочем… замечания на рассылку доклада распределились так: Подгорный, Пельше, Мазуров, отчасти Демичев выступили против этой темы. А Андропов, Пономарев, Громыко, Суслов – прошли мимо, никак на нее не отреагировали.

Вчера уже в 10 часов вечера докладчик решил ее снять.

… Главная же мука от того, что докладчик не владеет - хотя бы на уровне секретаря низовой парторганизации – умением формулировать литературно мысли (говорит он – через слово – мат), тем более – складывать их в каком-то порядке для публичного выступления. Даже не обладает решимостью (хотя вообще-то он человек весьма решительный) выбрать из предлагаемых ему вариантов темы, более нужные или менее обязательные. В результате в течение 12 часов действовала «гармошка»: он говорит – надо сократить на одну треть. Сокращаем, приносим. Он,

ругаясь, все восстанавливает: я, мол, привык к этому тексту, сокращайте другое. Сокращаем другое. Он опять восстанавливает. И т.д.

Однако, вернемся к Брежневу. Его разговор с Громыко. Министр спрашивает: как, мол, Леонид, будем действовать-то (на Ближнем Востоке).

Брежнев: 1. Участвовать в переговорах, причем настойчиво и повсюду. Мы на это имеем и право и обязанность.

2. Будем участвовать в гарантиях границ. Причем – границ Израиля, потому что именно о них идет речь, они – яблоко раздора.
3. В подходящее время восстановим дипотношения с Израилем. И – по своей инициативе! Да, именно так.

Громыко: Но арабы обидятся, шуму будет…

Брежнев: Пошли они к ебене матери! Мы им предлагаем сколько лет разумный путь. Нет – они хотели повоевать. Пожалуйста! Мы дали им технику, новейшую, какой во Вьетнаме не было. Они имели двойное превосходство в танках и авиации, тройное – в артиллерии, а в противовоздушных и противотанковых средствах – абсолютное превосходство. И что? Их опять раздолбали. И опять они драпали. И опять завопили, чтоб мы их спасали. Садат меня дважды среди ночи подымал по телефону: «Спасай!» Требовал послать советский десант, причем немедленно! Нет! Мы за них воевать не будем. Народ нас не поймет. А мировую войну затевать из-за них – тем более не будем Так-то вот. Будем действовать, как я сказал.

31 октября, в день окончания Конгресса встречался с Урбаном Карлссоном – международным секретарем Шведской КП. Еще раз убедился в том, что западные КП все меньше и меньше склонны идентифицировать свою политику с нами. Речь шла о предстоящей в январе конференции западно-европейских компартий в Брюсселе. На это они идут охотно. Но на Общеевропейскую конференцию с участием социалистических стран с большой натугой и подозрительностью.

В свете Конгресса миролюбивых сил складывается любопытная ситуация: некоммунистические демократы (включая сугубо буржуазных) на почве мира все ближе подтягиваются к нам, в наши «друзья» все больше отдаляются по мере того, как разрядка становится реальностью. Мол, покуда шла речь о ядерной войне, мы были с вами, потому что вы единственная сила, от которой зависело не довести до этого. А когда эта угроза фактически исчезла, извините – свои дела мы будем делать сами.

Карлссон заметил, между прочим, что на западно-европейской конференции КП, возможно, будет предпринята попытка создать общую модель будущего социализма для развитых капиталистических стран. Но я, говорит, боюсь, что это будет **антимодель** (т.е. все не так, как в Советском Союзе!).

Странный, какой-то неслужебный совсем разговор с Пономаревым. Он остановил меня после правки текста Кириленко. Мялся. Напомнил, что надо искать кандидатуру на директора ИМЭЛ, так как Федосееву следует сосредоточится на Академии наук (Суслов так тоже считает). Келдыш очень плох. Другие вице не тянут. «А этот, - Б.Н. сделал гримасу, изображая Трапезникова, - уже пронюхал и двигает своего Кузьмина, тупого, подлого человека».

Я: «Борис Николаевич, что же вы меня спрашиваете?.. Ведь академики – члены ЦК вроде Федосеева просто так по улицам не ходят. Людей много способных, умных, практичных. Но у них нет такого звания и положения. Их никто всерьез не возьмет… Вот, например, Замошкин из Ленинской школы. Но согласитесь, смешно даже вылезать с такой кандидатурой».

Б.Н.: «Ну, почему же, почему же… Сейчас не посмотрят, пойдут на то, чтоб молодой. Суслов вот хочет Егорова (из «Коммуниста») туда послать… А кого – в «Коммунист»?!»

Так эта тема ничем и не кончилась.

<u>9 ноября 73 г.</u>

7-го под дождем был на Красной площади. Опять, как каждый раз, - это ощущение силы, перекрывающее всякие «аргументы от интеллигентности». Сила государства – это жизнеспособность народа. Пока это еще так и долго, видимо, будет так. И на Конгрессе мира тоже ведь была демонстрация силы, хотя в другой форме. Именно поэтому многие приехавшие с протестами по поводу Сахарова, евреев и т.п., увидели неуместность протестов, с точки зрения, главного дела, ради которого они старались – мира, а значит права на жизнь.

<u>10 ноября 73 г.</u>

Последний праздничный день. Был вчера у Дезьки (Давид Самойлов, поэт) в больнице. Один глаз еще залеплен, другой – без повязки, но все равно не видит. Застал его спящим. Проснувшись, он бодро стал мне сразу рассказывать о соседях: Гарин, известный артист (на воскресенье смылся домой); серб – гэбист, красивый 50-летний мужик, не первый раз уже здесь; «помещик-марксист» из Аргентины, названный Дезькой Степаном Степановичем, платит 500 долларов в месяц за пребывание в этой больнице, хотя за эти доллары мог бы лежать в хорошей европейской частной клинике. Однако – это институт Гельмгольца!

Разговор не получился. Скакали с темы на тему. Чувствовалось, что он где-то уже не доверяет мне до конца и не знает, как себя держать со мной. Назвал Сахарова единственной чистой и простодушной искренней фигурой во всем этом. Бросил вскользь, что не бывало еще в русских общественных движениях, чтобы тех, кто их предавал, считали, если не героями, то правыми и даже победителями. А к Якиру и Красину (которого, кстати, уже выпустили) сейчас «эти оппозиционеры» с почтением… «Вообще все это мерзостно – так называемое оппозиционное движение, не только по импотентности, но и по содержанию»… «Что Галич имеет общего с Сахаровым? Этот подонок, который обиделся на всех за то, что кому-то наверху не пришлись его песенки… Вот и вся природа его оппозиции. А он вьется возле Сахарова, пачкает его, сочиняет ему политические тексты. Баба его (Боннэр) играет тоже гнусную роль, а сама дура - дурой и пошлая»…

… «Вообще, Толька, из меня выходит хороший (со смаком) реакционер. Я вот выйду – стихи им (!) напишу»…

Держится он бодро, видно, в самом деле большой духовный потенциал всегда помогает держаться, сохранять достоинство. Между тем, положение его скверное: в лучшем случае через 2-3 недели он сможет читать полтора, два часа в день с очень сильными очками.

<u>18 ноября 73 г.</u>

Всю неделю просидел в Серебряном бору, - очередная «теоретическая задача». Тезисы к встрече секретарей ЦК социалистических стран по внешнеполитической пропаганде и идеологии. Намечена на вторую половину декабря. Там – Шахназаров, Медведев, Вебер, Пышков и соответственно – из других

отделов. Народу тьма, что только усложняло работу. Бурлацкий… Он был начальником над Шахназаровым, он – создатель консультантской группы в отделе соцстран (еще при Андропове, он выпестовал Арбатова, который затем его сменил в роли руководителя группы). При подготовке Программы партии и вообще XXII съезда КПСС летом 1961 года в Соснах, Бурлацкий был весьма важная персона. Я «бегал мальчишкой» тогда на этой даче. Но ко мне он был снисходителен. А теперь все наоборот: он зав. сектором в Институте права и рассматривает как благодеяние сам факт приглашения его к такой работе. Шах над ним начальник. И от былой заносчивости – ни следа. А в общем довольно одаренный человек, который, как и Беляков, на определенном этапе решил, что «все дозволено» и мгновенно был низвергнут и даже потерял право выезда за границу. Но старые друзья, многим ему обязанные, не оставляют.

1 декабря 73 г.

Визит Брежнева в Индию закончился. Наговорены тысячи и тысячи красивых слов. Возможно и даже наверняка что-то полезное и для дела… , но ценой, как это ни странно, еще одного крупного шага (говоря языком нашей «публицистики») к утрате всякого престижа: народ объелся до тошноты этими полосами газет с тостами, речами и документами, бесконечным показом на телевидении выступлений, речей, приемов, подарков, поцелуев, рукопожатий, проводов и встреч. Никто уже ни во что не вникает, всем эти церемонии до лампочки. Лидер же выглядит совершенно смешным с этой своей страстью к многопублично-говорению при ужасающем косноязычии и бормотании самых простых слов. А уж с индийскими именами полный конфуз. Нелепость всего этого настолько общепризнана, что, не стесняясь, самые разные люди говорят об этом на улице, в троллейбусах, везде. Хрущев по этой части давно «привзойден».

Кстати, из документов я узнал, что во время пика войны на Ближнем Востоке, все было совсем не так, как изображал Загладин: будто бы ночью в Завидове в пижамах, втроем в зимнем саду были телеграммы Никсону, гнев против собственных экстремистов, предлагавших крутые меры против Израиля и т.п. Оказывается, когда Израиль, нарушив договоренность о прекращении огня, 22 октября, отхватил еще большой кусок территории на западном берегу Суэца и двинул танки на Каир, Брежнев сделал две вещи: а) написал Никсону письмо с предложением вдвоем высадить в Египте советско-американские войска; если же Никсон не захочет, то он, Брежнев, сделает это один. Вот почему и последовало объявление американцами боеготовности №1.

б) Брежнев написал записку членам ПБ, предлагая «что-то» немедленно предпринять – подвести советский флот к Тель-Авиву или разрешить египтянам долбануть по Израилю нашими средними ракетами (но не по Тель-Авиву и Иерусалиму), или еще что-то сделать.

Остаются загадкой две вещи:

- Почему Никсон и Киссинджер (прошел уже месяц слишним) не сделали утечки информации, хотя они ведь оказались в очень сложном положении, вынуждены оправдываться и перед союзниками, и перед американцами, и перед общественным мнением вообще – зачем они предприняли столь грозную акцию, не имея на то вроде серьезных причин.
- Почему записка Брежнева в ПБ осталась без последствий. Кто и как остановил эту инициативу.

Причем, поразительно, что эта записка не изъята. Ее читали даже некоторые работники нашего отдела, читают и сейчас, когда все обернулось иначе и Брежнев выглядит из записки совсем не так, как он выглядел с этим же вопросом на трибуне Всемирного конгресса.

Все это для меня непостижимо.

5 декабря 73 г.

Последний, не отмененный еще день сталинской конституции. Вчера шла подготовка к встрече замов международных и идеологических отделов ЦК соцстран. Мне придется ее вести, потому что Шахназаров отозван в Завидово готовить Пленум ЦК. За полтора предыдущих дня готовили и мы свой вклад в речь на Пленуме об МКД… под диктовку Пономарева. Где тут подумать о судьбах комдвижения! На четырех страницах, которые нам отвел Александров – Воробей, едва можно уложить «личный вклад» (т.е. встречи Брежнева с Марше, Гэссом Холлом, Рао, Бахманом и т.д.) и заявку на общеевропейскую конференцию компартий и международного (4-го, как его предпочитает называть Б.Н.) Совещания. Впрочем, он нам сообщил мнение Суслова: Совещание проводить после очередного съезда КПСС.

Да и вообще думать о деле некогда. Оно по настоящему никого и не интересует. Другие дела иссушают мозг и нервы: 6-го – встреча замов из соцстран.

18-20 – совещание секретарей ЦК соцстран. Доклад Пономарева на 50-ти страницах.

24 – доклад Пономарева на встрече послов и представителей агенств пропаганды на заграницу.

27-28 – речь Пономарева в Нальчике по случаю вручения Ордена дружбы Кабардино-Балкарии. Там же – доклад о международном положении и об МКД.

7 января – доклад Пономарева в Праге о судьбах журнала «ПМС».

20 января – доклад Пономарева о 50-летии со дня смерти Ленина. Тема – МКД за полвека.

И все это выходит на меня помимо текущих дел.

Б.Н. вчера сказал мне, что Рыженко надо снимать с Леншколы. Он ездил в ГДР и там (видимо, пьяный) поносил в «определенном кругу» Громыко и Суслова, а Брежневу ставил в пример Сталина, который сам писал свои доклады и речи. Хонеккер сразу же в ужасе сообщил все это в Москву.

Б.Н. предлагает взамен Рыженко послать в Леншколу Матковского, нашего завсектора по Великобритании. Ну и слава Богу, освобожусь от этой серости.

Когда был в Серебряном бору и выдавались свободные два-три часа от официальных текстов, читал я Герцена, том XII – о Воронцовой-Дашковой, его письма Александру II, переписку с русскими друзьями по поводу перехода от одного царя к другому. Этот метод – читать Герцена все время подсказал мне академик Тарле 20 лет назад: читать Герцена, открывая наобум любой том, хотя бы по одной странице в день. Очень плодотворно, очень освежает. Гениальность проникновения в суть событий настолько велика, а язык настолько точен и силен, что будто читаешь о наших днях. Все это я читывал лет 25 назад, но сейчас это воспринимается совсем иначе, как вполне актуальное чтение (а для русского эмоционально несравненно более значительно), чем, например, чтение Бжезинского.

7 декабря 73 г.

Приходил Волобуев. Говорил про своих парней. Один – физик, другой – инженер, третий – студент-экономист, они и их друзья загоняют его в угол. Крыть, жалуется Пашка, нечем. У этой публики, говорит, две тенденции: одна ищет спасения в вожде, другая – в демократии (например, в альтернативных выборах и т.п). Отчего спасаться? От воровства, пьянства, безделья, безответственности, распада связей между властью и людьми, кроме как на основе страха.

Рассказывал о своей командировке в Омск – как предгорисполкома, женщина, водила его делегацию по городу и приговаривала: ох, уж этот нам развитой социализм! Нам бы хоть какой-нибудь, пусть плохенький, да настоящий, чтобы сортиры бы поставить, да тротуары замостить.

Зачем он, собственно, добивался целый месяц встречи со мной? Выживают его с директорства Института истории. Рыбаков, академик-секретарь исторического отделения, уже предложил ему отставку (мол, мне архиологией надо заниматься, да книгу писать, а тут постоянно из-за вас – Волобуева – скандалы, да склоки). Видно, это с Трапезниковым согласовано. Пашка хотел узнать у меня, согласовано ли с секретарями ЦК.

Я говорил с Б.Н. сегодня. Он ничего не знает. Впрочем, это не значит, что не знает Демичев. Б.Н. отпарировал мне: «А зачем Волобуеву уходить?» Подумал я про себя: так помоги, если не хочешь, чтоб уходил.

Б.Н.'у и польстило и напугало (аж покраснел) о ходячей по Москве концепции – почему Трапезников и Голиков едят Волобуева. Концепция такая: Иноземцев, Арбатов, Тимофеев, Волобуев – все эти директора институтов сателлиты Пономарева. Но первые трое хорошо «прикрыты». А Волобуев – нет. К тому же он занимается сюжетами, по которым его легче бить – историей советского общества, т.е. монополией Трапезникова. Разъярился Б.Н. Вы, говорит, скажите Волобуеву, чтоб он не болтал об этом.

17 декабря 73 г.

Главное мучение этих дней – подготовка доклада Б.Н. на совещании секретарей соцстран по внешнеполитической пропаганде. Еще в Серебряном бору сделали первый вариант – с попыткой (очень, конечно, робкой) сформулировать специфику этой нашей внешней пропаганды применительно к разрядке. Вариант был брезгливо отвергнут. Б.Н. надиктовал какие-то лохмотья – обракадабра слов, из которых, однако, проистекало главное: природа империализма не изменилась и надо его долбать идеологически по-прежнему. Преодолевая собственное внутреннее сопротивление и пытаясь все же протащить идею нового этапа в пропаганде, вымучивали с Вебером и Пышковым новый текст. Теперь он ему нравится. Но… и в этом бессмысленность, кафкианство всей затеи. Он мне говорит сегодня:

- Я слышал, хотят размножить мой доклад. Это значит его собираются раздавать участникам совещания?
- Вероятно. Вы же знаете, что всегда так бывало.
- Нет, нет, Анатолий Сергеевич! Ладно, если китайцам попадет в руки, а если империалистам! Получается, что мы здесь собираем своих друзей и науськиваем их: мол, разрядка разрядкой, а надо по-прежнему громить Америку и вообще Запад… Нет, нет. Давать текст только особо доверенным людям.

… твою мать! Для чего же ты, политик, собираешь такое совещание, если боишься, что узнают на Западе, что ты призываешь к борьбе против него, несмотря на всякое там мирное сосуществование и проч. Не доказываешь ли ты этим лишний раз, что доклад этот нужен лично тебе только для того, чтобы перед Сусловым-Демичевым-Трапезниковым и всеми, кто за ними, показать себя сверхартодоксом революционной идеологии?!

И вместе с тем опасаешься, как бы доклад твой не получил реального резонанса в сфере политики (а так и будет, если он дойдет до Запада), и тогда тебя огреют по шее Брежнев, Громыко и другие реальные политики. Вот и вся высокая философия, ради которой затрачено столько нервов, изобретательности и времени, что становится тошно жить на свете.

А между тем, 10-11 декабря прошел Пленум ЦК. Подведены итоги 73 и обсужден план на 74 год.

Я был на первом дне Пленума. Тогда выступал Брежнев. Ощущение у меня какое-то неопределенно- тяжелое. С одной стороны, нутром чувствуешь – выдюжим. А с другой – гложит бесперспективность происходящего.

Год был вроде бы удачным – вместо 5,8 % прироста 7,8 %. Но может быть именно поэтому труднее мирится с положением. План не выполнен по энергетике, металлу, химии, легкой промышленности и т.д. На 74 год намечен предельно напряженный план, иначе горит пятилетка: за три ее года прирост 44 млрд. рублей из 103 млрд., запланированных на всю пятилетку. Значит, за оставшиеся два года надо дать 59 млрд. рублей.

Брежнев «по-сталински» поставил вопрос: либо мы должны к народу и сказать – извините, мол, не получается, либо мобилизовать все силы, кровь из носу, но добиться выполнения плана. Большевики всегда избирали второй путь.

Видимо, действительно другого пути нет. Первый вариант – это крах, а замены режиму нет, и нет условий для эффективной замены без страшнейшей национальной катастрофы.

Но второй, большевистский путь – это путь штурмовщины. Но, в изменившихся у нас социальных условий этот метод психологически отторгается народом. Сам Брежнев сказал Арбатову: «Все успехи этого года были за счет политических средств (использование студентов, армии, горожан на уборке). Налаженного действующего автоматически механизма у нас нет и опять будем нажимать на соцсоревнование, награды, ордена и т.п.»

А ситуация вот какая:

Байбаков, составляя перспективный план на 15 лет из заявок министерств и ведомств, подсчитал, что если мы примем проект на такой основе, реальный доход населения будет расти на 2% в год. Это меньше, чем ежегодно в предыдущие 15 лет.

60-70 млн. тонн металла у нас во время переработки идет в отходы.

По тоннажу металлообрабатывающих станков мы производим столько же, сколько США, Япония и ФРГ вместе взятые, а по числу, сделанных из этого металла станков и по их производительности, далеко отстаем от каждой из них.

Финляндия вывозит древесины в 10 раз меньше, чем мы, а выручает валюты по этой статье экспорта в два раза больше. Это потому, что от нас она уходит в необработанном элементарно виде.

Договорились с ФРГ построить им на компенсационной основе газопровод, но во время не сделали и нам предъявили иск в 55 тысяч долларов за каждый просроченный день.

На складах скопилось на 2 млрд. рублей неходовых товаров, т.е. таких, от которых отвернулся покупатель. Это почти равно сумме капиталовложений во всю легкую промышленность на остаток пятилетки.

Проект на строительство КАМАЗа был оценен в 1млрд.700 млн. рублей. Теперь выяснилось, что потребуется еще 2,5 млрд., а потом, может быть , и больше. И это при плановом хозяйстве, когда все централизовано в одних руках.

В 1955 году задумали строить в городе Салават завод полированного стекла. Проект был готов к 1962 году. Но в 1961 году англичане предложили нам лицензию на завод с иной, огневой методологией. В 1965 году мы купили у них лицензию, по которой работают уже три завода и дают великолепное стекло. Между тем, салаватский завод продолжал строиться. В 1872 году был закончен, но выяснилось, что установленное оборудование стекло не полирует, а ломает. Все оно было пущено на переплавку. А ответственность за все это до сих пор установить не удалось.

Из одного кубометра древесины мы на три четверти производим продукции меньше, чем в капиталистических странах.

Наши авиа и автодвигатели обладают гораздо меньшим моторесурсом, чем их.

В Курске построили трикотажную фабрику на иностранном оборудовании для особо дефицитного трикотажа. Но она работает вполовину мощности: не хватает рабочей силы. Оказывается, при проектировании фабрики забыли о жилье.

Огромное количество (не успел зафиксировать цифру) собранного в этом году зерна оставили хранить в буртах под открытым небом. Сгнило.

В миллионах рублей исчисляются потери зерна, цемента, овощей, фруктов и др. из-за отсутствия тары и несвоевременной подачи транспорта.

Из-за плохого качества металла мы закладываем в конструкции из него гораздо больше тонн, чем можно было бы.

И т.д. и т.п.

Запланировали превышение группы В над группой А. Но с 1971 года по-прежнему происходит изменение соотношения в пользу А. Планы по производству товаров народного потребления систематически не выполняются.

Брежнев признал, что мы не можем преодолеть положение, когда предприятиям выгодно обманывать государство, и объяснение этому есть: на стороне количественных показателей и план, и премии, и традиция, и контроль инстанций. Немудрено, что в схватке с качеством они всегда побеждают. Ибо на стороне последнего – одни только призывы и умные статьи в газетах.

Какие же предложения, чтоб преодолеть все это? Все они из той же сферы реорганизаций, создания комиссий, погоняловок и призывов, только оформлено это более интеллигентно, чем прежде, ибо написано Арбатовым и Иноземцевым под руководством Цуканова.

Брежнев самим фактом своего критического выступления подтолкнул большинство, выступивших в прениях, вываливать десятки фактов, подобных тем, какие я перечислил, взяв их из выступлений Брежнева и Байбакова.

Не сложилось ли у нас уже какая-то инертная, бюрократическая, закостеневшая сила безнадежного равнодушия (по принципу – лишь бы уцелеть еще на несколько лет), сила, которая поглотит любого кто попробует на месте действовать по-новому?.. Даже если есть люди, которые способны так действовать.

Сегодня в доме приемов на Воробьевых горах шло согласование тезисов по итогам встреч секретарей ЦК соцстран. Жалко и смешно выглядели претензии румын и очень активничали болгары.

Кстати, на Пленуме Брежнев говорил, что у нас с болгарами складываются «особые отношения». Болгары взяли курс на превращение своей страны в очередную советскую союзную республику. На встрече секретарей они предложили тезис: патриотом можно считать только того, кто любит социалистическое содружество так же, как свою родину! Остальные (венгры, немцы и прочие) переглянулись, но возражать не стали.

Обратил я внимание на манеру его выступления на приеме «друзей». Державность. Внешняя демократичность больше походила на фамильярность. Он над ними, он патриарх. Он имеет право на отеческую откровенность, на внушение. Говорил без бумажки и подтекст был все время антирумынский. Все это понимали, а румыны ежились.

25 декабря 73 г.

Б.Н. вдруг стал сомневаться, нужно ли вообще собирать общеевропейскую конференцию компартий по типу Калово-Варской. Не лучше ли прямо держать курс на большое Совещание. Резоны вроде есть: негоже комдвижению подстраиваться под межгосударственное совещание по безопасности в Европе. Противопоставлять одно другому тем более невозможно – дипломатический скандал. А поскольку никто в компартиях не хочет выходить на конференции за рамки международных проблем, то и платформы вроде для нее никакой нет.

Б.Н. хочет вылезти на совещании в Праге по журналу поперед батьки и фигурировать в качестве человека, который первый сказал А насчет большого Совещания. Но не дадут ему ли по шее за эту претензию?

30 декабря 73 г.

Неделя была наполнена подготовкой к Праге. С помощью Юрки Карякина – «учение Пономарева» об уроках Чили, на этот раз развернутое так, чтоб было видно не только подтверждение «догм» революционной теории, но и реальные уроки.

Столкновение с Пономаревым по поводу оценки нынешней ситуации в мире (социальной). Он настаивает, как уже много лет, при каждом его докладе: показать кризис империализма и, значит, подъем революционной борьбы. Кризис действительно есть. И он имеет свое лицо: энергетический, в котором как в узле сейчас затягивается все остальное. Но не видно, чтоб был революционный подъем, да и неоткуда ему взяться. Я Пономареву пытался доказывать, что исторический опыт опровергает его догматический оптимизм. В условиях мирного времени экономические потрясения всегда оказывались на руку реакции и даже фашизму: 1921-23 г.г., 1929-33 г.г., 1947-48 г.г., и революционное движение либо терпело прямое поражение, либо впадало в длительный период стагнации.

И сейчас – поправение всюду на лицо. Даже социал-демократию везде теснят: массовик-обыватель, естественно, не верит в ее способность справиться с кризисом. А он, этот обыватель, хочет преодоления кризиса, а не обострения его до революционной точки. И ему подбрасывают приманку: «порядок» авторитарного руководства. Отовсюду идут сигналы о правой опасности. (Другое дело, что она может пойти навстречу нашей политике мира!). Но болтать сейчас о наступлении «прекрасной революционной ситуации» в китайском духе – просто смешно, не говоря уже о близорукости таких оценок.

Конечно, он меня переломил: доклад-то ему делать! Но пока я, переменив акценты, сохранил большой кусок о правой опасности.

31 декабря 73 г.

Итог 1973 года во внутриполитическом плане, пожалуй, лучше всего символизирует утреннее сообщение по радио... (о поздравлении!) «в 23-45» Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева советскому народу по случаю Нового года»… Такого еще никогда не было. Ни Президиума Верховного Совета, ни ЦК и Советского правительства, ни даже «от имени»…, а лично.

При всех его несомненных заслугах (особенно во внешней политике) он незаметно для себя и заметно для всего остального мира соскользнул на хрущевскую дорожку. Апогеем презрительного раздражения (об этом можно было слышать со всех сторон, даже прямо на улице – из случайно услышанного разговора) по поводу положения, в которое он себя поставил, была реакция на телерепортажи о его пребывании в Индии. Но ему, видимо, об этом не донесли. И вот результат: новогодний выход.

Трудно судить, как к этому относятся в душе (!) его «коллеги». Единственно, что я могу наблюдать непосредственно, что Пономарева это коробит. И «позиция» его проявляется в гримасах и жестах, но отнюдь не в формулах. Судя по контексту этих гримас (например, при упоминании о подготовке резолюции апрельского Пленума ЦК, где впервые официально было сказано «и лично»!), не очень в восторге от происходящего Громыко.

В аппарате известно, что его трусливо и подобострастно, но люто ненавидит Демичев. Но тут – не дай Бог, если именно такое недовольство (с этой стороны) обернется против Брежнева.

Полянский, о котором перед декабрьским Пленумом чуть ли не на улице говорили как о кандидате на вылет из Политбюро, не очень скрывает своей неприязни. Скорее даже хочет, чтобы о ней стало известно. Мне рассказывали: Ванька Дыховичный – актер театра на Таганке, женат на дочери Полянского и в хороших отношениях с ее братом, с которым Полянский «всем делится». Так вот, Полянский перед Пленумом сказал сыну: «Мня уже не волнует, останусь ли я в ПБ. Я, как и остальные, фактически уже год не являюсь его членом. Там теперь порядок такой: Брежнев говорит, а мы киваем или поддакиваем». Распространяет Полянский подобное, видимо, для того, чтобы, когда его выгонят, выглядеть не «освобожденным за неспособность» (что, видно, соответствует действительности), а как пострадавший за принцип.

«Личный» момент весьма благоприятный и, как показали эти годы, очень эффективный фактор во внешних делах. Но он может быть и очень опасен. Именно на «личном моменте» случился Карибский кризис, который чуть было не привел к катастрофе. Но ведь во время октябрьской войны на Ближнем Востоке произошло, по-видимому, нечто подобное. Недавно я прочитал интервью Моргентау в «Вашингтон пост». Он говорит: повышенная боевая готовность США была объявлена потому, что стало достоверно известно, что в Александрию направлен советский транспорт с ядерными ракетами на борту. После объявления «тревоги», советский корабль повернул в обратном направлении.

Это согласуется с тем, о чем я писал выше: в одну из ночей, после 22 октября был окрик Генсека – «надо же что-то сделать!» И даже бумага была разослана по ПБ. Вот это и было, видимо, тем «что-то», чему никто не осмелился (уже!) возразить.

Прочитал вчера очень содержательный сборник ИНИОН'а о Брандте. Как раскованно и умно пишут, когда продукция не подцензурна и распространяется только среди доверенной и «всепонимающей» публики, не подверженной влиянию чуждых взглядов.

* * *

**Послесловие к году.**

Этот год выявил **инерционный** характер существования Советского Союза.

Экономика – в состоянии депрессии. Но не той, которая свойственна обновляющей ее цикличности капиталистической экономики. Это было начало стагнации и необратимого упадка. Будучи государственной и опираясь на партийную дисциплину и карьеризм номенклатуры, она могла существовать, но уже не развиваться.

И это начал ощущать, если и не понимать, правящий слой. Даже такие умные и осведомленные люди, как Иноземцев и Арбатов, ничего не могли предложить, кроме паллиативов, которые не выводили за пределы уже забуксовавшей системы.

Идеология все более явно становилась жертвой безвыходного экономического застоя. В качестве квази-религии внутри она была мертва. Никто не верил в ее догмы, сверху донизу.

Официальная идеология (как теория) впервые натолкнулась на внутреннюю оппозицию, которую нельзя было уже задавить по-сталински. Появился Сахаров и диссидентское движение, которое критиковало и осуждало советскую власть, апеллируя к ее собственным законам и программными установками.

Государственный de facto антисемитизм выплеснулся наружу вместе с «еврейским вопросом», подрывая в корне интернационалистскую целостность советской идеологии. Евреи, которые были самым активным этническим слоем в Революции и становлении советского государства, воспользовавшись укреплением Израиля, как международной величины, потребовали свободы выезда. И побежали бывшие большевики, их дети и внуки из своей, оскорбившей их и неблагодарной Родины.

Утратила свою роль советская социалистическая идеология и как всемирный (экспансионистский по сути) фактор. Знаменитая формула Энрико Берлингуэра - «импульс Октябрьской революции иссяк» – точно отражала ситуацию. Коммунистические партии, имевшие какую-то социальную базу у себя в стране, начали вырываться из под патернолистской крыши КПСС на путях «еврокоммунизма». Малые, ничтожные у себя партии, целиком материально зависимые от нас, тоже отторгали советский образец для своих стран. СССР перестал быть символом надежды и вдохновения, источником энтузиазма. Но без СССР и против СССР компартии были обречены. И поневоле сохраняли верность пролетарскому интернационализму.

Международное коммунистическое движение, таким образом, тоже продолжало существовать лишь **по инерции.** Оно не хотело, да и было уже не способно выполнять даже роль пропагандистского рупора и защитника своей революционной когда-то «праматери». Лихорадочные усилия Пономаревского ведомства ЦК сохранить хотя бы формальную оболочку МКД обнаруживало все большую беспомощность.

Положение СССР как одной из двух сверхдержав вошло в явное противоречие с его претензией быть центром мирового социализма. Брежнев, окончательно утвердившись в качестве неоспоримого лидера и не будучи по натуре человеком злобным, агрессивным, сознавал свою ответственность за недопущение ядерной войны. Для него «мирное сосуществование» стало реаль-политик. Соответственно он и действовал, предпочтя разрядку на главном фронте холодной войны – в Европе и при тушении региональных конфликтов (даже вместе с США) в третьем мире; начал поиск подходов к нормализации с Китаем.

Арабско-израильская война 1973 года нанесла непоправимый удар по ореолу национально-освободительного движения. Впервые и в народе, и в правящих кругах почувствовали, что оно для нас не опора, а нахлебники, которые к тому же могут втянуть нас в большие неприятности при решении главной, жизненной внешней задачи - не допустить мировой войны.

В социалистическом лагере, в нашей внешней империи неблагополучие ощущалось все заметнее. Вопреки ожиданиям интервенция в Чехословакии не укрепила социалистическую систему, а стала дополнительным источником ее разложения. Бремя подпитки приличного жизненного уровня в странах-союзниках становилось все тяжелее для советского народа. Привязка экономического развития этих стран к советскому рынку и советская модель промышленного развития вызывали там все большее недовольство. Сервилизм и холуйство в правящем слое государств-сетелитов все больше отрывали там власть от народа, где зрели антисоветские настроения, мощно подпитываемые западной пропагандой.

Можно сказать, что социалистический лагерь тоже существовал с этого времени скорее **по инерции**, чем на основе взаимной заинтересованности.

Реализму Брежнева противостоял, и все более нагло, напор со стороны его окружения, - идеологов и охранителей, олицетворяемых Сусловым и Андроповым. Он отмахивался от них в главном внешнеполитическом его деле. Во всем остальном уступал или проявлял безразличие, хотя иногда и «поправлял» (в отношениях с художественной интеллигенцией и с западными коммунистами).

По мере развития болезни и старения в самой личности Генсека стали отчетливее проступать отрицательные черты. Непомерное тщеславие делало его часто смешным, абсолютная власть атрофировала самоконтроль. Снижалась дееспособность, физическое ослабление замыкало в режиме, - чтоб «поменьше беспокоили».

Это было на руку охранителям и идеологам, которые и определяли общественную атмосферу. Она становилась все более мрачной, безысходной. «Творческая интеллигенция» либо показывала кукишь в кармане, либо искала пристанище в вечных истинах любви и повседневных забот, либо убаюкивала себя и публику напоминаниями о благородстве и героизме отцов и дедов в далеком и близком прошлом.

В аппаратах власти (не знаю как в государственном, но в главном его аппарате, в ЦК, в некоторых его отделах, особенно в международном), образовался круг людей, которые, соблюдая «правила игры» и смыкаясь с наиболее просвещенной и вольнодумной частью ученых в гуманитарных институтах Академии наук, в редакциях газет и журналов, все больше проникались чувством собственной ответственности за страну. Внутренне, духовно и нравственно (на уровне культуры) они уже отделили себя от начальства. Оно было им чуждо и неприятно даже по-человечески, в обычном общении.

Однако и они продолжали жить **по инерции.** Пытались что-то подправлять, что-то улучшить, что-то навязать с помощью стилистики (будучи спичрайтерами и

советниками) в духе реаль-политик и здравого смысла. Но не шли «на разрыв», не зная сами выхода и повязанные привычкой, бытом, интеллигентскими сомнениями во всем и вся.

Но именно в это время в их среде исподволь начало формироваться ядро кадров будущей перестройки.